

**ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА**

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

№ 4Р

**Либерализация и стабилизация-
пять лет спустя**

Сборник докладов

Москва, 1997

***ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА***

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

№ 4Р

**Либерализация и стабилизация-
пять лет спустя**

Сборник докладов

Москва, 1997

Институт экономических проблем переходного периода

Основан в 1992 г.

Учредители: Академия народного хозяйства при Правительстве РФ и

Российская Академия наук.

Директор: Е.Т.Гайдар

Редакционная коллегия: В.Мау, Н.Главацкая, Т.Хохлова

Научное редактирование: Н.Главацкая, Т.Хохлова

Компьютерный дизайн: А.Астахов

Лицензия на издательскую деятельность № ЛР 021018 от 09 ноября 1995 г.

103918, Москва, Газетный пер., 5

тел.(095) 229-8497, FAX (095) 203-8816

E-mail: IET@ONLINE.RU

Институт экономических проблем переходного периода

В сборнике представлены доклады участников международной конференции, проводившейся Институтом экономических проблем переходного периода при поддержке Фонда Форда. Конференция состоялась 25 января 1997 года в г. Москве. В ней приняли участие представители органов власти, известные ученые и экономисты-практики как из России, так и из стран Содружества; те, кто начинал экономические реформы в своих странах и те, кто их продолжает в настоящее время.

Задачу конференции организаторы видели в анализе опыта, накопленного в России и других странах членах-СНГ за пять лет реформ, а также в профессиональном обсуждении целей и путей пост-стабилизационного развития.

Основная полемика развернулась по вопросу о связи темпов экономического роста и уровня государственной нагрузки на экономику, о роле государства на этапе начала стабилизации.

Список выступавших:

В. Мау*заместитель директора ИЭПП*

Уважаемые коллеги! Открывая конференцию, мне прежде всего хотелось бы поблагодарить всех присутствующих за желание принять участие в нашей дискуссии. Хочу напомнить, что это уже вторая конференция, предыдущая была чуть больше года назад, в декабре 1995 года. Я надеюсь, что традицию проведения конференций, подводящих итоги определенных фаз в развитии России и посткоммунистических обществ, мы будем продолжать и в дальнейшем.

В отличие от первой нашей встречи в этот раз мы предложили прежде всего сосредоточиться на опыте развития стран постсоветского пространства. Посткоммунистических вообще, но особенно постсоветских. Этим и определяется список основных выступающих, и, как вы видите по программе, даже наши коллеги из Центральной и Восточной Европы будут говорить в основном об их опыте работы в странах-членах СНГ.

Е. Гайдар*директор ИЭПП*

Свое выступление я разделю на две части. К сожалению, часть времени мне придется потратить на изложение вещей, на мой взгляд, в высшей степени понятных, больше того, ставших тривиальными и, тем ни менее, постоянно вызывающих сомнения в России. Во второй части я постараюсь остановиться на вещах, которые мне кажутся более интересными, менее изученными.

На протяжении последних семи лет, если включать Восточную Европу, и пяти лет, если сконцентрироваться на территории постсоветского пространства, накоплен уникальный опыт проведения различных экономических политик. За это время постсоветские правительства возглавляли люди, являвшиеся и ярыми либералами, и откровенными коммунистами, пытались проводить политики дирижистские и либеральные. Постсоветское пространство видело и гиперинфляцию, и успешную и провалившуюся стабилизацию, и попытки проведения популистских экспериментов.

Сегодня мы имеем возможность опираться на весь этот богатейший опыт. Именно поэтому рассуждения о постсоциалистической трансформации неизбежно должны перестать носить умозрительный характер, должны ориентироваться на де-

тальное изучение происходивших процессов. Без этого любые рассуждения о постсоциалистической трансформации сегодня просто смешны.

Если внимательно проследить за мировой литературой о постсоциалистической трансформации, за мнениями, которые высказываются, складывается впечатление, что сегодня исследователи скорее делятся не по политическим убеждениям, даже не по научным пристрастиям, они делятся на тех, кто реально изучал практику постсоциалистической трансформации и тех, кто этого не делал. Переход из одной группы в другую бывает очень простым. Например, еще в 1994 году, прекрасный американский экономист И.Эйдельман подписала, на мой взгляд, довольно сумбурное письмо группы российских и американских ученых по поводу постсоциалистической трансформации, отражающее хорошие намерения, и полное отсутствие понимания того, что на деле происходит. Потом она решила разобраться в реальном ходе постсоциалистической трансформации. И вот в 1996 году написала вместе с Д.Войтовичем блестящую статью о постсоциалистической трансформации. Эта работа содержит несколько очень интересных новых выводов, из которых, наверное, самый важный состоит в том, что основным параметром, определяющим уровень продвижения по пути либерализации и формирования частных институтов в постсоциалистическом пространстве, параметром перевешивающим все остальные, оказывается историческая протяженность социализма. Чем длиннее был социализм, тем менее развитыми оказываются частные и рыночные институты. Это перевешивает колебания в политике, разницу в тактике реформ и т.д. Это один из примеров, позволяющих перейти от абстрактных рассуждений к анализу реальной жизни, реального опыта.

К моменту начала постсоциалистической трансформации, по крайней мере в России, и в какой-то степени в мире, существовало три распространенных высказывания-тезиса, которые и сегодня, так как будто бы ничего не произошло за эти годы, повторяются в России. Первый - инфляция после социализма будет носить не денежный характер, она определяется структурными факторами, монополизацией экономики. Второй - невозможна финансовая стабилизация без стабилизации производства. И третий - необходимо сначала провести приватизацию, а уже потом либерализовать экономику. Если, скажем, в 1990 году, это был набор гипотез, нуждавшихся в проверке, то сегодня за нами семилетний, соответственно в постсоветском пространстве пятилетний опыт, который позволяет эти гипотезы однозначно проверить.

Первый тезис о не денежном характере постсоциалистической инфляции в полной мере опровергнут развитием событий. Темпы инфляции в постсоциалистических странах колебались очень сильно. Мы видели все - от гиперинфляции в Югославии до дефляции в Хорватии в 1994 году. Объяснить различия в - а) - национальных темпах инфляции, - б) - в сравнительных межстрановых темпах инфляции, апеллируя к любым не денежным параметрам, невозможно. Во всех случаях темпы роста цен определялись предшествующими темпами роста денежной массы с различными лагами. Лаги, это естественно, были больше в крупных странах с более развитыми финансовыми рынками, и они постепенно увеличивались в ходе трансформации экономики: например, в России с 4 месяцев примерно до 6 месяцев; они были короче в странах с меньшими объемами экономик и менее развитыми финансовыми рынками, таких как Украина, где лаг практически составлял один-два месяца. Но во всех случаях два фактора - инфляционная инерция и предшествующие темпы роста денежной массы позволяли с высокой степенью надежности предсказывать динамику инфляции. По крайней мере для инфляций, превышающих 40% (для высоких инфляций) эти закономерности действуют жестко. При более низких инфляциях возникают другие, более сложные проблемы - это хорошо известно из экономической теории. Но для высоких инфляций то, что они являются и после социализма денежным феноменом, сегодня установлено вполне определенно. Опыт постсоциалистических стран включает несколько примеров резкого ускорения денежного обращения, в ряде случаев связанных с введением национальных валют, но они определяли отклонение динамики инфляции от динамики денежной массы лишь на короткую перспективу (1-2 квартала). При анализе годовых интервалов связь роста денежной массы и инфляции очевидна.

Второй тезис. Связь роста производства и стабилизации не столь проста и однозначна. В подавляющем большинстве случаев инфляция была остановлена при продолжающемся падении объемов производства. И только после снижения инфляции ниже 40% годовых, начинался экономический рост. Если посмотреть на совокупность постсоциалистических экономик, мы увидим, что экономический рост обычно начинается на второй год начала реализации серьезной стабилизационной программы. Для России она начала осуществляться в 1995 году, экономического роста следует ожидать в 1997 году. Либо через год-полтора после снижения инфляции ниже 40-50% годовых. Эти процессы обычно совпадают. Разумеется и здесь зависимость не носит жесткого характера, мы не можем однозначно оценить факторы, которые влияют на лаги между

финансовой стабилизацией и началом роста, ясно, что они не должны быть абсолютно одинаковыми для разных стран, но в целом, общая последовательность - сначала финансовая стабилизация, а затем экономический рост - в подавляющем большинстве случаев существует. Мы знаем три исключения из этого правила. Первое из них - это Армения, где экономический рост начался практически одновременно с финансовой стабилизацией в 1994 году. И, на мой взгляд, важнейшими факторами, позволившими появиться этому исключению, были факторы не экономические - это прекращение военных действий и ослабление блокады.

И было два примера в Восточной Европе, которые традиционно использовались в качестве доказательства того, что устойчивый рост может начаться до снижения инфляции ниже 50%. Один из них - Болгария, где экономический рост начался при инфляции в 120% годовых, и второй - Румыния, где экономический рост начался при инфляции больше 200%. Что касается Болгарии, вопрос в настоящее время мне кажется исчерпанным. В 1996 году после резкого свертывания производства, десятикратного падения курса национальной валюты и ускорения инфляции до 300%, снижения зарплаты до 20 долларов в месяц, вопрос об устойчивом экономическом росте в Болгарии снят с повестки дня. Что касается Румынии, здесь ситуация более сложная, но и здесь развитие событий в 1996 году - сочетание резкого ускорения инфляции и падение темпов производства заставляет, по меньшей мере, поставить под сомнение устойчивость румынского экономического роста. Во всех остальных случаях последовательность была общей, видимо эта закономерность достаточно жесткая и она действует в постсоциалистических странах.

И, наконец, третий тезис. Сначала приватизация экономики, потом - либерализация. В постсоветских странах были опробованы различные механизмы трансформации экономик. Единственное, что не было опробовано - нигде и никто не сумел сначала приватизировать экономику, а потом ее либерализовать. Такого случая экономическая история еще не знает. Разумеется это не является дефинитивным доказательством. Можно попытаться защищать тезис, что этого не было, но могло бы быть и должно было бы быть. Здесь остается предмет для дискуссий. Но нужно честно признать, что тезис о возможности и предпочтительности предварительной приватизации нуждается в серьезном доказательстве, его нельзя принимать как аксиоматичный, как нечто, что все знают и принимают на веру. Для подтверждения же противоположного тезиса нужно доказывать, что хотя этого никогда не случалось, это было - а) можно сделать; б) необ-

ходимо сделать. К тому же это желательно хотя бы один раз проверить на практике. Беда для сторонников этого подхода состоит в том, что число возможных случаев проверить на практике резко сокращается. К настоящему времени осталось только два объекта, где можно опробовать предлагаемую последовательность преобразования, это Куба и Северная Корея. Если ни там, ни там эта концепция не будет подтверждена, она видимо так и уйдет в экономическую историю как некая гипотеза, которая была высказана, но никогда не доказана и не подтверждена на практике.

Теперь разрешите мне подвести черту под этими, как мне кажется, достаточно ясными, тривиальными вещами, нуждающимися скорее не в научном обсуждении, а в разъяснении, и перейти к комплексу вопросов которые гораздо в меньшей степени изучены.

Сейчас в центр внимания в научной да и в политической полемике выдвигается вопрос о связи возможностей экономического роста с уровнем государственной нагрузки на экономику после социализма. В этой связи была высказана гипотеза, в том числе нашим коллегой и единомышленником по многим вопросам Андреем Илларионовым, суть которой состоит в том, что есть некая простая зависимость между возможностями экономического роста и государственной нагрузкой на экономику. Исследования, проведенные на мировых совокупностях, такой однозначной зависимости к настоящему времени не выявили. Исследования постсоциалистических экономик такой зависимости тоже не демонстрируют. Мы видим, что после стабилизации восстанавливают экономический рост и страны с аномально высокой государственной нагрузкой на экономику, я имею ввиду аномально высокой по отношению к их уровню развития (ВВП на душу населения) - Польша, Чехия, Словакия, Венгрия. Мы видим, что восстанавливают экономический рост и страны с аномально низкой государственной нагрузкой на экономику, такие как Грузия. Однозначно выявить подобного рода связь невозможно. Если мы посмотрим, что реально происходит с государственной нагрузкой на экономику в постсоциалистических странах, то увидим, что она претерпевает серьезные радикальные разнонаправленные изменения в ходе либерализации, но затем стабилизируется на достаточно устойчивом уровне. Короче говоря, можно с существенной степенью вероятности предположить, что уровень государственных доходов и государственных расходов в экономике на второй год после стабилизации окажется устойчивым на предстоящую перспективу. При этом уровни государственной нагрузки на экономику оказываются весьма различными, в высшей степени различными для

постсоциалистических стран. В этой связи, к настоящему времени можно выделить три группы постсоциалистических стран по уровню государственной нагрузки на экономику, во многом определяющей саму социально-политическую и социально-экономическую структуру постсоциалистического общества.

Первая из них - это группа, которую я условно назвал бы вышеградскими странами. Это страны которые на основе различных стратегий реформ сумели существенно либерализовать экономику и стабилизировать собственные финансы, достаточно жестко сократили уровень дотационной нагрузки на экономику, при этом создали эффективно работающую налоговую систему. Эти страны стабилизировали долю государственных доходов на уровне близком к 45-50% ВВП и стабилизировали государственные расходы на уровне близком к 50% ВВП. Это Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения.

Вторая группа - это страны, которые пережили экстремально тяжелый кризис в условиях перехода, часто связанный с анархией или войной, гражданской или внешней; страны, в которых произошло резкое снижение уровня государственных доходов и расходов, где часто было значительным падение производства, где на фоне этих процессов произошло существенное снижение де-факто или де-юре государственных обязательств. Короче говоря, где сам по себе тяжелый социально-экономический кризис не только проложил дорогу стабилизации доходов на уровне около 6-7% ВВП, как в Грузии, но где и де-факто к этому оказались приспособленными структуры обязательств государства. Вне зависимости от того как это шло, более организовано и по этому гораздо более мягко как в Армении, или менее организовано и более жестко, как в Грузии, но реально произошли радикальные изменения в объеме обязательств государства в области здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и т.д. В Армении именно острота кризиса без всякого сомнения послужила фоном, позволившим этой стране первой начать серьезные изменения в пенсионной системе, повысить пенсионный возраст, резко повысить долю платности в здравоохранении и т.д. А в Грузии тоже самое происходило во многом де-факто.

И наконец, третья группа включает страны, в которых расходы расширенного правительства стабилизировались на уровне близком к 30-35% ВВП. Это группа, в которую входят такие страны как Румыния, Украина, Россия, страны Балтии - вот это наиболее характерные примеры этой промежуточной группы. Здесь стабилизировать долю государственных доходов на уровне вышеградской группы, во многом позволя-

ющей обеспечить социальные обязательства традиционные для социализма, не удалось, но кризис носил не на столько экстремальный, не настолько острый характер, чтобы эти обязательства были де-факто или де-юре пересмотрены государством или обществом. Где-то это удалось в большей степени, например в Балтии. А вот Россия и Украина - типичные примеры такой промежуточной ситуации. Совершенно очевидно, что мы в ближайшее десятилетие никогда не сможем мобилизовать доходы, на уровне вышеградской группы, и очень трудно себе представить как нам реализовать набор социальных реформ, которые привели бы объем наших бюджетных обязательств в соответствие с нашими реальными финансовыми возможностями. Именно здесь стержень сегодняшних российских экономико-политических проблем.

В чем причины существенной разницы в возможностях налоговой системы? На мой взгляд они носят скорее не технический, а социально-экономический характер. Исследователи давно обращали внимание на позитивную связь возможностей наращивания доли налогов в ВВП с уровнем национальной, социальной и культурной гомогенности соответствующих обществ. Скандинавские государства оказывались способны мобилизовать столь высокую долю ВВП в налогах, потому что они всегда были обществами с высокой социальной солидарностью, обществами национально и культурно гомогенными. Именно это позволяло им повышать до аномально высоких пределов доли налоговых изъятий в ВВП. Это же проложило дорогу к долгосрочным проблемам в развитии, потому что оказалось, что за этими высокими возможностями изъятия налогов следует и давление по наращиванию расходов, а потом эти расходы оказываются на уровне явно несовместимом с устойчивым ростом, при этом их очень трудно сократить. На самом деле страны вышеградской группы обладают теми же характеристиками (при более низком уровне развития, естественно), которыми обладали скандинавские страны - это все национально-гомогенные, культурно-однородные государства, со сравнительно высоким уровнем развития, которым удалось достигнуть консенсуса по ключевым вопросам экономической политики, что и проложило дорогу к возможности такой мобилизации налогов. В России, являющейся страной большой, культурно неоднородной, плюс к тому же федеральной, рассчитывать на такую аномально высокую для рыночных экономик долю налоговых изъятий значило бы просто закрывать глаза на реальность. Здесь надо понять, что уровень налоговых изъятий носит структурный, а не технический характер, его нельзя достичь на основе просто улучшения работы налоговой службы, введения двух дополнительных налогов и т.д. Он задан структурой об-

щества. Это не значит, что не надо совершенствовать работу налоговой службы, надо безо всякого сомнения, просто надо заранее понимать, чего ты можешь добиться. На самом деле, именно из-за возможности мобилизовать столь высокий уровень налогов, вышеградские страны при всей их социальной стабильности, при всем несомненном успехе реформ, как мне кажется, сталкиваются с очень непростыми проблемами роста с точки зрения долгосрочной перспективы. Мы все прекрасно знаем, что долгосрочный рост тесно связан с нормой сбережений в ВВП, а также норма сбережений в ВВП отрицательно связана со степенью щедрости финансируемых государством социальных расходов, в частности пенсионных систем. Во многих странах вышеградской группы, особенно в Польше, последняя находится на аномально высоком уровне, которого вообще не бывает в странах этого уровня развития. Польша сегодня тратит на пенсионную систему 16% своего ВВП, норма для ее уровня развития должна быть в районе 5-8%. В условиях экономического роста, низкой инфляции, относительной стабильности внести изменения в соответствующие обязательства государства может быть и необходимо, но политически крайне сложно и вряд ли реально. Недавно я имел честь присутствовать на конференции, которую проводили профессора М. Домбровски и Л. Балцерович. Эта проблема там является ключевой и обсуждаемой наиболее широко, и мне кажется, что все понимают, что эту проблему решать надо и вместе с тем все понимают, что решена она не будет. Но эта проблема чуть другого уровня, чем те вопросы, с которыми сталкиваемся сегодня мы. Суть наших проблем предельно проста: есть верхний уровень доходов расширенного правительства, который достигим после социализма в России. Он, видимо, предельно близок к доходам расширенного правительства 1996 года, можно спорить лишь о том, может ли он быть на 1% больше или на 1% меньше, но крайне нереалистично полагать, что его можно увеличить на 10-15%. Общий объем государственных обязательств, зафиксированный в действующих нормативных актах, превышает эти доходы примерно на 15%. Их невозможно профинансировать, значит есть только два выхода из этой ситуации: либо мы сумеем провести набор реформ, позволяющих соотнести наши обязательства с реальными доходами, что означает, естественно, реформа системы социальной поддержки, реформу жилищно-коммунального хозяйства, пенсионную реформу, существенные преобразования в образовании и здравоохранении, военная реформа, реструктурирование угольной отрасли, аграрную реформу и т.д. Либо мы будем продолжать постоянно иметь нынешнюю предельно нестабильную ситуацию, при которой бюджет принимает обязательства, по-

том их не выполняет, являясь сам источником неплатежей в экономике, серьезных социальных конфликтов, что постоянно держит страну в положении вялотекущего кризиса. Надо понять, что главная проблема сегодняшней российской эпохи в том, что у нас вялотекущий, но хронический кризис, из которого труднее всего выбраться.

Бюджет 1997 года повторяет судьбу бюджета 1996 года, это прекрасно известно всем участникам бюджетного процесса, начиная с Министерства финансов и заканчивая парламентом, нет ни одного человека, для которого это было бы секретом. Все прекрасно знают, что бюджет не будет профинансирован; все прекрасно знают, что в первую очередь это ударит по образованию и здравоохранению, все делают вид, как будто этого не знают. Вчера мы приняли бюджет и все как в детском саду, завязав себе глаза, говорят: “А мы этого не видим.” А не видят потому что не хотят видеть, иначе надо будет говорить правду, тогда надо начинать готовить, принимать некие серьезные решения, которые всегда тяжеловаты политически. А политической воли на такие решения пока нет. Есть самый неприятный способ выйти из этого тупика: например, снова начать в массовых масштабах печатать деньги, дойти до гиперинфляции, потом стабилизировать финансы на уровне гораздо более низкого равновесия, соответственно пройти через кризис столь тяжелый, что он заставит пересмотреть социальные обязательства, как в Грузии или Армении. Но, честно говоря, таких экспериментов в нашей стране мне бы очень не хотелось делать. По-моему, за последние 90 лет она уже прошла через все эксперименты. В этой связи ключевой вопрос с точки зрения экономической политики в России - это вопрос о том, смогут ли органы власти посмотреть правде в глаза. Будут ли они готовы реализовать меры абсолютно необходимые даже не для начала экономического роста - это сегодня не главный вопрос - а для реструктурирования всей бюджетной сферы к реальным доходам, которые может иметь российское государство. Без этого мы будем иметь постоянный социальный кризис и постоянный кризис государственности, подрывающий доверие к существующей государственной власти, и неизбежно прокладывающий дорогу к власти безответственным популистам.

Г. Багратян

Премьер-министр Правительства Армении в 1993-1996 годах

Я постараюсь кратко пересказать то, о чем мы думали в течение семи лет, почему так думали, и почему поступали тем или иным образом. Мне кажется, что основная черта социалистического общества, советского общества, была в том, что функции раз-

вития находились в руках государства. В какой-то степени после 1917-го года в системе хозяйствования России было сделано ровно два шага назад, в две предыдущие исторические эпохи. Так как функции развития, находящиеся в руках у государства, свойственны только рабовладельческому обществу. Только в этом обществе все памятники были профинансированы из бюджета. Уже в средневековье строительство храмов или крепостей финансировалось субъектами более низкого уровня - князьями. Дерегулирование функции аккумуляции средств, которые должны быть направлены на развитие общества, на более низкий уровень - это вне сомнения прогресс человеческого общества. В индустриальном обществе это уже функции какой-либо компании. Скажем, первая московская электростанция, построенная в 1886 году, была профинансирована частной компанией. Туда не направлялись деньги даже московского городского правительства. Общество, которое складывается в конце 20 века, - это общество, в котором источником развития будет социальный субъект - человек. Государство, отдельные регионы, компании, так называемые коллективы, человек - вот основные источники развития индустриального общества. Отсюда и все процессы демократизации и либерализации. Отсюда вытекает и феномен того, что демократия и централизация ресурсов совершенно различные понятия. Тот же Древний Рим наибольших успехов добивался, даже во внешней политике, в период наибольшей демократизации в римском обществе. В этом обществе шел постоянный спор между либералами и социалистами или тогдашними коммунистами. Источником споров всегда было сокращение дефицита бюджета. Будут или не будут дотации на хлеб, будут ли легионерам розданы очередные земли. Вы знаете, что Цезарь был самым большим либералом, но иллюзия, что эти вопросы легче решить присвоив себе титул и полномочия монарха, предопределили его судьбу. Упразднив сенат, Цезарь вынужден был сам принимать все налоговые решения. Вы видите, что все это имело место пару тысяч лет назад, без какой-либо разницы происходит и сегодня. После 1917-го года мы вернулись на две исторических эпохи назад, передав функции развития в руки государства. Государство решало кому что делать. Это и создает большую проблему для нынешних государств.

Вторая характерная черта советского общества - накопление есть функция бюрократии. Если государство определяет направление развития, то накопление есть функция, жестко управляемая бюрократией.

И, наконец, третья основная черта советского общества - сбережение есть функция государства. Осуществлялось это очень просто: людям раздавались деньги, цены

были при этом фиксированы, сумма товаров умноженная на их цену заведомо была ниже, чем количество денег у населения, и не потому, что не было рынка и невозможно было добиться сбалансированности, этот вопрос пока оставим в стороне, это была просто политика. Политику в области сбережений определял принцип государственного распределения. Государство, когда ему не хватало денег, увеличивало заработную плату, оставляя цены неизменными. У населения возникал избыток денег, которые вкладывались в сбербанк. Государство распоряжалось этими средствами, в том числе финансируя и развитие. И, не случайно, когда мы пришли к власти, и люди уже с нас, в первую очередь, требовали вернуть деньги из сбербанков, - невозможно этого было сделать, - они были давно растрочены. Это была стройная логическая система, это не было случайностью, это не было ошибкой прежнего Госплана, а была жесткая логически взаимосвязанная структура: развивать общество по мере принятия государственных решений. Другими словами, экономические решения принимались на уровне бюрократа.

Отсюда и основная проблема наших реформ: мы должны были сделать так, чтобы экономические решения принимались на уровне производящих субъектов. Как этого достичь? Если вы хотите “спустить” принятие решений об экономическом развитии на уровень хозяйственных субъектов, то на уровне каждого хозяйственного субъекта, вне зависимости от формы собственности, должна произойти та же демократическая реформа в коллективе, что и на уровне общества. В коллективы и в компании тоже к власти должны прийти демократы, либералы, независимо от того, были ли их предприятия приватизированы. У власти должна быть ответственность, смелость в принятии экономических решений. Смелость не быть популистом, не тратить столько, сколько не заработали. Ведь сейчас, когда в России существует 50 трлн задолженности по заработной плате, проблема переходит совсем в другую плоскость, более сложную. Если политической воли не хватает на уровне государства, и бюджет принимается сверх возможностей государства, то каждая компания принимает бюджет сверх своих возможностей в гораздо большей степени, чем это делает государство. На государственном уровне есть правительство и Дума, которые друг друга как то контролируют. А что же твориться на уровне компании? Да там никто никому не осмеливается сказать, столько они заработали. Это и есть та проблема, которую очень сложно будет решить. Только ведение института частной собственности и дальнейшая правильная его эволюция в состоянии перевоспитать все общество.

Теперь о переходе к рынку. Что происходило у нас в течение семи лет. Я бы выделил три этапа. Для меня лично, например, было понятно, что первый и самый основной этап - это этап разрушения. Я нигде не видел социально-оправданный мягкий переход к рыночным отношениям. Нигде не было шоковой терапии, был элементарный логический шаг - либерализовать цены. И это начинает разрушать, так как дальше следуют социетальные изменения и, в конце-концов, переход к системе динамического равновесия. Система динамического равновесия - это переход экономического развития полностью на уровень производящего субъекта. Я думаю, что в основной своей массе на этом, третьем этапе находятся все государства. Никаких логических объяснений, что нужно было бы сделать раньше, а что позже, с моей точки зрения, нет.

Я думаю, что если бы в 1985 году М.Горбачев вместо политики гласности либерализовал бы цены, то может быть Советский Союз в большей своей части сохранился бы. Цены - это единый рынок, это усиление в экономике центростремительных тенденций. Если бы гайдаровское правительство в 1992 году не либерализовало цены в России, то политический сепаратизм в России углубился бы еще больше, и вместо одной-двух проблем их было бы десять-пятнадцать. Если же реформы в Грузии в 1992 году продвинулись бы очень сильно вперед, то не было бы в таком масштабе проблем сепаратизма внутри государства, за которые пришлось платить трехгодичной работой.

Мне кажутся в некоторой степени обидными разговоры о шоковой терапии, чрезмерном радикализме и т.д. Если путь лежал к тому, чтобы перевести свободу экономических решений на уровень первичного производящего субъекта, освободить, то нужно было этот путь пройти за возможно короткий срок. Все остальное - приватизация, стабилизация, углубление реформ и т.д. - дело техники, в какой-то степени национального везения.

Переход к динамической системе потребует от стран бывшего социализма третьего, решающего шага в реформах - это социетальная либерализация. Это означает увеличение доли государства в перераспределении ВВП. Человек в этих обществах должен себя ощутить производящим субъектом, он должен ощутить эту свободу и не бояться ее, должен освободиться от этих комплексов. Западные общества решают эту проблему сейчас. Они уже стоят перед этой проблемой, хотя, на мой взгляд, они ее не решили. Но я очень боюсь, что историческая судьба постсоциалистических стран заключается в том, что они с этой проблемой встретятся раньше, и им придется ее решать раньше, чем Западным обществам. Предыдущее развитие Западных обществ позволило

им накопить достаточный запас стабильности, чтобы они спокойно преодолели это время. Так что я думаю, что в ближайшие 15-20 лет никаких свобод не будет. Будут люди, которые критикуют правительство демократов и либералов за то, что они неправильно делают, последние будут заигрывать с народом. На самом деле никакой реальной коммунистической угрозы нет и не будет, это просто невозможно, т.к. речь идет о серьезных структурообразующих элементах. Левые будут делать правые реформы, правые - левые реформы, это будет неотъемлемой чертой общества, которое нас ожидает в течении следующих 15-20 лет. То общество, которое сможет мобилизовать все это, пройти вперед, оно и победит. Думаю, что для постсоциалистических стран данный исторический шаг - разбег для прыжка в экономическом развитии. Но, повторяю, будут еще 15-20 лет очень сложных структурных изменений, и спокойствия за это время не ожидается.

Теперь об Армении. Мы начали очень резво. Логика реформ была такова: первый вопрос, требующий решения, вопрос еды. И первой прошла приватизация сельского хозяйства, земли. Армения - первое государство, которое приватизировало землю и у которого в сельском хозяйстве за последних 6 лет 17% роста. Приватизация земли помогла нам, во время приватизации предприятий, магазинов выйти на более правильные институциональные основы. Кстати говоря, с этой точки зрения, опоздание чревато очень большой опасностью. Понадобится 2-3 года для осознания того, что произошло в промышленности, в торговле, в сфере услуг и т.д., еще раз переосмыслилось экономически. Большое несчастье для государств, которые не приватизировали землю. Они никогда не выйдут на динамическую систему, на равновесные цены, у них всегда будет недостаток и недоучет экономических ценностей.

Второй блок, который мы выделили в реформах, - это открытие экономики. Но мы не стали этого делать. У нас не было серьезных тарифных преференций, и это был продуманный шаг с тем, что бы тарифными преференциями не давить на производителя, чтобы быстрее через рыночные механизмы добиться равновесия в экономике: мы не вводили тарифы, которые бы предопределяли или серьезно влияли на уровень цен. Нас больше интересовала не сама инфляция, а правильная структура цен, выход на эластичный спрос. При этом - абсолютно свободная система торговли, когда не один человек торгует, а 20-30 тысяч. Это, собственно, то, что позволило нам решить многие задачи. Например, завоз в государство газа или мазута. Армения сейчас, за исключением очень маленького долга Туркменистану, никому ничего не должна. Она платит очень

регулярно. Два года назад была осуществлена энергетическая реформа, которая привела к тому, что в Армении, где не было электричества, вдруг появилось перепроизводство электроэнергии, и за последний год не было ее отключений. В Армении сейчас самое настоящее перепроизводство электроэнергии, у всех есть электричество 24 часа в сутки. И это не вклад атомной электростанции, которую мы открыли - это был чисто экономический вопрос. Это была самая элементарная экономическая реформа, достаточно жесткая.

Следующее, что очень важно для Армении - элементы внешнего равновесия. Нам часто говорили, что централизация ресурсов в руках государства позволила Советскому Союзу одолеть Германию во Второй мировой войне. Я не эксперт в данном вопросе. Хотя существует чисто академический спор, как можно преодолеть военную ситуацию. Мы подумали: поскольку нам так же нужны экономические реформы, давайте проблемы самосохранения решим еще большей свободой экономических субъектов. Я не берусь утверждать, что нам это абсолютно удалось, потому что мы тогда понимали: у людей могут быть элементы патриотизма в текущей экономической деятельности. Это может дать краткосрочный эффект, хотя лучше всего, когда человек зарабатывает себе деньги и не озабочен различными патриотическими эмоциями. Мы также понимали, что кроме эффекта мы получим и проблему вознаграждения. В результате конфликтов, в том числе военных, появлялись конкретные субъекты, которые действительно требовали вознаграждения. Например, для России ровно через два года люди, которые побывали в Чечне, будут очень большой проблемой. Эта проблема будет где-то в сто раз больше, чем проблема Афганистана. Преодолеть ее будет очень сложно, потому что самая большая ошибка в том, что государство или правительство просто постарается дать им "взятки" в виде каких-то пособий, каких-то машин и т.д. Самое легкое решение - это как-то вознаградить людей за счет бюджета, через какой-то закон организовать эти "взятки". Это становится непреодолимой проблемой, порождает сначала некую клановость - номенклатурность общества, а потом, самое страшное, узаконивается. Надеюсь, что в Армении найдут решение этой нелегкой проблемы. Сейчас намечается явная тенденция к демократическому решению этой проблемы и, я думаю, что в Армении сейчас уместен был бы такой лозунг: лучшая возможность преодоления негативных сторон демократии - это еще большая демократия в политической и экономической жизни. В этом направлении движется мир. И на самом деле эти общества обладают большим потенциалом для скачка в своем социальном развитии. Я надеюсь, что это

случится, я не вижу серьезных сил и желания у кого-либо помешать это сделать. Другое дело, что те, кто у власти всегда хотят представить, что им мешают, а те, кто вне власти, от безответственности предлагают различные популистские меры. На самом деле никому ничего не грозит, никто не собирается отбирать власть - здесь опасности нет. Опасность в отсутствии политической воли действительно провести необходимые для общества преобразования.

С. Васильев

заместитель Министра экономики РФ

Тема нашей конференции “Либерализация и стабилизация пять лет спустя”, и сейчас действительно хорошее время для подведения итогов. Формально задачу либерализации и стабилизации мы можем считать выполненными, т.к. экономика России одна из наиболее либерализованных, по крайней мере по формальным признакам - все цены либерализованы, внешнеторговый режим один из наиболее либеральных в мире, валютное регулирование очень либеральное, и со стабилизацией вроде тоже все в порядке - инфляция низкая, инфляционные ожидания низкие. Но радости не испытываешь, так как все это выглядит несколько формально. У нас при низкой инфляции бюджет фактически не сбалансирован между государственными ресурсами и гособязательствами. В отношении либерализации я тоже не испытываю большой радости. На федеральном уровне мы видим очень сильный тренд к делиберализации, возвращению к более жесткому управлению. Примеры многочисленны. В течение последних двух лет практически приостановлена приватизация, усиливается тенденция к закреплению госпакетов акций в государственной собственности, у правительства сильное желание передать их в доверительное управление отраслевым министерствам. Министерство промышленности настаивает на своем праве управлять подведомственными ему предприятиями, недвусмысленно заявляет частным предприятиям, что никакие проекты по привлечению иностранных инвестиций без одобрения Министерства не могут пройти. Возникают новые предложения по дополнительному лицензированию видов деятельности. Наиболее яркий пример попытки рецентрализации на отраслевом уровне - это лесная промышленность, где недавно создано новое министерство - Госкомлеспром, хотя в лесной промышленности максимальная степень приватизации. Недавно появилось Постановление Правительства по развитию лесопромышленного комплекса, где существует фраза о том, что правительству надо регулировать экспорт леса, правда,

непонятно какими методами, а один высокопоставленный чиновник в правительстве говорил: “Что за безобразие? Четыреста организаций экспортируют лес в России. Надо создать ситуацию чтобы только 3-4 организации экспортировали лес, надо максимально собрать в кулак все силы.” И эта точка зрения очень распространена, и я думаю, что мы еще увидим очень интересные мероприятия в этой сфере. В других отраслях идут похожие процессы.

В то же время федеральный уровень, на мой взгляд, не является ключевым для данной проблемы, потому что на федеральном уровне нам еще удастся отбивать попытки рецентрализации. Например, мы добились двукратного сокращения перечня лицензированных видов деятельности по сравнению, скажем, с ситуацией 1994 года. Что меня волнует больше всего - это ситуация на региональном уровне. Дело в том, что, скажем, 1992-1993 годах региональные элиты не были консолидированы, органы местного регулирования работали зачастую без координации друг с другом, и хотя были злоупотребления: без всякого сомнения брались взятки, были проблемы входа на рынок, но такой глобальной системы контроля на региональном уровне не было.

Я думаю, что в течении 1995-1996 годов произошла очень сильная консолидация региональной элиты, причем появился единый центр принятия решений по отношению к бизнесу, и самое неприятное, что количество регулирующих рычагов у регионов просто избыточно. Даже если какой-то рычаг мы сможем вытащить из под контроля региональных властей, то у них все равно еще останется избыточное количество рычагов влияния на бизнес с тем, чтобы обеспечить его полную подконтрольность региональной элите. Например, доступ к земле и недвижимости полностью отдан на откуп региональным властям, все связанные с этим злоупотребления, трудности доступа к земле и недвижимости, хорошо известны. Менее известно - это энергетика, которая оказалась разодранной между регионами. В принципе региональные власти могут установить дискриминационные тарифы для любой фирмы, для любой компании.

О лицензиях я уже говорил, но, работая по подготовке закона о лицензировании, я столкнулся еще со многими формами функционального регулирования, которые связаны с лицензиями: например, транспортная инспекция, которая очень жестко регулирует транспортные организации и имеет большие возможности внеэкономического принуждения. Достаточно сказать, что они выдумали замечательную систему, при которой лицензии выдаются на каждое транспортное средство, и они выдаются трех цветов: карточки синего цвета разрешают ездить внутри региона, карточки зеленого цвета

разрешают межрегиональные перевозки, карточки красного цвета разрешают международные перевозки. Естественно, за каждую карточку приходится платить немалые суммы.

Или взять налоговую полицию, которая являясь организацией федерального подчинения, контролируется региональными властями. Эта проблема, конечно, связана в значительной степени с состоянием федерального бюджета, потому что массовое недофинансирование федеральных органов власти приводит к тому, что эта потребность удовлетворяется региональными органами власти. После этого говорить о федеральном управлении какими то службами просто не приходится. Мне кажется, что децентрализация на региональном уровне, фактический контроль местных властей над большей частью регионального бизнеса, - это основная угроза не только экономическому развитию страны, но угроза и политическая. Такая система является угрозой для демократии и на региональном уровне. Для того чтобы сохранить единую экономическую систему в стране, единый политический организм, федеральному центру придется провести комплекс мер по усилению федеральной составляющей регулирования. Речь идет прежде всего о том, чтобы все упомянутые службы реально финансировались из центра, что позволит восстановить контроль. Чтобы координация отношений между центром и регионами была также сосредоточена в федеральном центре. Несомненно необходимо усиление антимонопольных органов, которые хладнокровно взирают на все нарушения свободы конкуренции на региональном уровне, и без сомнения нужна независимая, хорошо финансируемая из федерального бюджета судебная система. Пожалуй, если эти меры будут предприняты, то они помогут остановить этот тренд к децентрализации на региональном уровне.

А. Аслан

Фонд Карнеги

Мне очень приятно выступать здесь и видеть столько знакомых лиц. Сегодня я хотел бы обсудить вопрос об Украине. Два с половиной года я работал с украинским правительством по экономической политике и конечно здесь интересно рассмотреть уроки украинских реформ и сравнить с реформами в России. Для начала надо сказать, что в течение первых трех лет независимости на Украине фактически ничего не было сделано, и почему ничего не сделали. Думали, что так будет лучше для людей. Многие

считали, что главной проблемой Украины была эксплуатация ее со стороны России, и меньше смотрели на проблемы коммунистической системы в целом. На бытовом уровне было чувство, что Украина богата. И расцвет наступит только тогда, когда Украина станет самостоятельной. От этого намного меньше чувствовался кризис. Конечно, многие люди отдавали себе отчет о его масштабах, но таких людей было меньше, чем в России. Другая причина состоит в том, что главным на Украине считалось строить новое государство. В тоже время значительно большая, чем в России, часть старой коммунистической элиты осталась на прежних местах. Вы, конечно, знаете что президент Кравчук раньше был вторым секретарем ЦК. И так же очень важно то, что на Украине было намного меньше экономистов, которые поняли, что такое рыночная экономика, чем в России. И еще надо добавить, что на Украине считали, что радикальные реформы в России - это не правильный путь, и надо делать что-то другое. В 1993 году началось это что-то другое. Осенью 1993 года к власти фактически пришел директорский корпус. Решили, что чем больше регулировать - тем лучше, тогда мы получим больше. Уже хорошо известно, что в суде лежит дело бывшего исполняющего обязанности премьера Ефима Сагильского, который находится за рубежом, по обвинению в краже по крайней мере 25 млн дол. Украина тогда, вероятно, имела самую регулируемую экономику из всех стран бывшего Советского Союза. Например, подоходный налог, который уже на уровне 100 дол. в месяц составлял 90%. Конечно, эта система не могла работать. В связи с этим сильно возросла инфляция: в 1993 году - 10200%, когда в России в тоже время было только 840%. Был намного больший спад производства, чем в России. Сколько на самом деле - трудно сказать из-за того, что производственная статистика Украины все еще намного хуже, чем в России и теневая экономика явно намного больше.

В чем же основа произошедших изменений? Как это было возможно? Я помню, что летом 1994 года очень неясно было, будут ли изменения. Главная причина изменений - это народ. Было широкое понимание, что дальше так жить нельзя. Были протесты шахтеров Донбасса, которые между прочим требовали досрочных выборов. Такие выборы состоялись весной и летом 1994 года. Результат - президентом стал Кучма, очень решительный человек, который хотел решить экономические проблемы. Главное, он как и люди видел, что медленные реформы не работают, нужны радикальные экономические реформы. Это прагматический вывод сделан президентом Кучмой без особых идеологических аргументов. И то, что мы видим на Украине сейчас, это важный аргу-

мент в пользу этого вывода. Без демократии Украина осталась бы в ужасном экономическом состоянии. Проблема на Украине, как и во всем бывшем Советском Союзе - не в народе, не в рабочих. Везде мы видим очень мало забастовок, и проводятся они в основном по причине невыплаты заработной платы. Проблема - в старой коррумпированной элите, которая берет, что только может, и действует в интересах повышения собственной ренты. Но все таки на Украине значительная часть элиты также поняла, что так дальше нельзя. И особенно внушительно было то, что Национальный банк под председательством В.Илюшенко уже в декабре 1993 года просто перестал давать кредиты. Инфляция почти остановилась летом 1994 года. Фискальная политика там вообще была в порядке. В результате - люди могли видеть, что контролировать инфляцию возможно. Было понятно, что действовать надо иначе, и, когда инфляция приостановилась, сразу появились экономические интересы, которые лучше действуют при низкой инфляции.

Еще одна причина изменения обстановки состоит в том, что не было внешнего финансирования. Но самая главная причина, почему Украина изменила курс, заключается в том, что демократия существовала и народ понял, что случилось.

Что же нового тогда делалось на Украине? Можно сказать, что это была совсем стандартная программа. Ничего особенного здесь не было. Первое условие - это сильный и решительный политический руководитель - президент Кучма, второе - это наличие группы экономических реформаторов. Особенно хочу упомянуть четырех человек в правительстве, которые были там более-менее постоянно - это председатель Национального банка Виктор Илюшенко, Виктор Пинзеник и Роман Шпек, которые дольше всего были вице-премьерами, и Юрий Хануров, министр приватизации. Этой командой была написана экономическая программа, а также осенью 1994 года программа с МВФ о реструктуризации внешнего долга. После чего программа должна быть одобрена парламентом. Парламент Украины это сделал, как парламент в России в ноябре 1991 года. Сейчас мы видим, что из-за того, что Украина ждала экономически ничего не выиграно, и все, что сделано, возможно было сделать на три года раньше.

Сейчас немного об эффектах поздних реформ. Может быть самый внушительный показатель продвижения реформ в том, что сейчас официальная средняя зарплата на Украине 80 долларов. В России в два раза больше, что показывает на сколько дорого стоит стране такое запаздывание реформы. Мы сделали обзор 300 предприятий на Украине, и что мы там видим. Средняя длительность работы директора на промышлен-

ных предприятиях на Украине почти 10 лет. Это люди, которые стали директорами в середине 80-х годов. Что они делают? Почти ничего. На наш вопрос “Есть ли у вас отдел продаж на вашем предприятии?” - 58% предприятий сказали “нет”. Это один из первых актов рыночной адаптации предприятий, но даже этого нет. Когда мы смотрим на министерства Украины, то нам становится ясно, что по сравнению с Россией развития кадров не было. Когда вы проводите реформы, тогда и кадры развиваются в этом направлении. Развитие есть, но намного меньше, чем могло быть, из-за потерянного для реформ времени.

Серьезная проблема, что большая часть администрации очень коррумпирована. В прошлом году ВВП на Украине снизился приблизительно на 8%, сейчас инфляция под контролем - 40%, программа МВФ работает, внешний долг под контролем. Но перспектива экономического роста все еще маловероятна в этом году. Что здесь важно? На Украине сейчас на уровне правительства есть чувство, что дело не идет. Думаю, что в России это чувство тоже было. Можно утверждать, что на Украине не только стабилизация, но и новые регулирования, введенные с прошлого года, определяют сегодняшний спад производства.

Что же тогда надо делать? С начала декабря вице-премьер Пинзеник, который, к сожалению, не присутствует здесь, представил большой пакет реформ украинскому парламенту: 87 законопроектов. И эти реформы предусматривают полное дерегулирование. Много законопроектов по налогам, особенно по сокращению налогов на фонд заработной платы с 51% до 32%. Это может придать динамизм украинской экономике. Сейчас идет борьба, этот пакет законопроектов поддерживает МВФ, но пакет вступает в действие, если он принимается парламентом и если парламент принимает новый бюджет с дефицитом не больше 4%. Сейчас идет острая политическая борьба. Но если это удастся, тогда Украина действительно совершит второй этап экономических реформ. Я надеюсь, что в таком случае это будет иметь некий эффект и в России, что способствует пониманию необходимости либерализации, о которой здесь говорили. Окончательный вывод: Украине очень дорого обходится промедление в три года. Последствия будут ощущаться еще много лет, Украина может проиграть из-за этого серьезного опоздания.

Э. Абдумананов

первый заместитель председателя НБ Киргизии

Уважаемые коллеги, я хотел бы остановиться на некоторых особенностях, которые были в Киргизии на пути продвижения рыночных реформ.

Следствием политического распада СССР явилось разрушение денежной системы бывшего Союза и необходимость принятия решения о создании каждым из, теперь уже самостоятельных и независимых государств, собственной денежной системы.

В этой ситуации стартовые условия этих стран были совершенно неравнозначны, причем Кыргызстан оказался в самом невыгодном положении

Вполне оправдано на стартовую линию сравнения вынести следующие негативные факторы:

1) основная часть промышленного производства республики относилась к ВПК, другая в большей своей части работала на потребителя в других регионах бывшего Союза и при этом значительная часть производств была ориентирована на привозное сырье, материалы, комплектующие;

2) почти 50% расходной части государственного бюджета покрывалась за счет субвенций из союзного бюджета;

3) наличие системы значительной поддержки социальной сферы за счет средств предприятий, в основном ВПК.

В этой ситуации руководство республики было поставлено перед дилеммой

1) резкое, “шоковое” реформирование хозяйства, ориентированное на скорость и глубину;

2) постепенное, “пошаговое” реформирование хозяйства, ориентированное на крайнюю сдержанность и осторожность в принятии решений.

Ясно, что первый вариант при резком входе в кризис давал шанс к быстрому выходу из него, в то время как второй вариант в своей перспективе имел лишь агонию хозяйства.

Был выбран первый вариант, основные черты, которого состоят в следующем:

1. Задействованы проекты быстрой приватизации в рамках Программы Мирового Банка ГЕЗАС, максимально либерализованы валютное законодательство и условия внешней торговли.

2. Выработаны принципы и начата реализация реформ аграрного сектора экономики: сначала было принято решение об аренде земли сроком до 7-ти лет, а затем земля стала предметом купли-продажи, как и любой другой товар.

В настоящее время интенсифицирована реализация программы FINSAC - обеспечивающей реформирование финансового сектора экономики республики. Например, мы ликвидировали два больших банка - это бывший государственный банк Агропромбанк и Сбербанк, активы которого исчезли раньше, чем мы обнаружили этот банк.

В настоящее время большая часть условий, обеспечивающих возможность остановки спада, выполнена, мы имеем либеральную валютную систему, открытую экономику, заметное снижение дефицита бюджета в расчете к ВВП, а также тенденцию к снижению уровня инфляции. Темпы инфляции упали с 1400% в 1993 году до 30-35% годовых за 1995-1996 года. Уже два года наблюдается рост ВВП. В 1995 году где-то 1%, а в 1996 году в пределах 6%. Снижается и дефицит бюджета относительно ВВП. Достаточно сказать, что в бюджете 1997 года дефицит бюджета составляет 5,3% от ВВП, в то время как в 1995 году эта цифра составляла 11,7%. Я думаю, что это промежуточные результаты реального процесса либерализации и стабилизации, но мы считаем, что стабилизации мы еще не достигли

Однако, остается ряд проблем и основная - это медленная реорганизация отраслей хозяйства и, как следствие, - низкий уровень экспортного потенциала, главного лимитирующего фактора активизации экономического роста. Решение этой проблемы является жизненно важной задачей для нашей экономики на данном этапе.

Р. Микаешвили

заместитель министра экономики Грузии

Вы все знаете в каком состоянии экономика Грузии. Она сейчас в очень тяжелом положении, но явно появился интерес многих развитых стран не только к Грузии, но ко всем другим закавказским республикам. Они хотят помочь в решении многих кардинальных проблем. Вы знаете, что Грузия, в отличии от других кавказских республик, была очень интегрирована с Россией и такое ухудшение состояния экономики вызвано, в первую очередь, блокадой. У нас и взимаемость налогов намного хуже, чем в других странах. Но нам удалось провести ряд существенных мер. В первую очередь - это создание законодательной базы. С помощью международных организаций принят ряд законов, которые помогли привлечь и заинтересовать зарубежных инвесторов. Я бы

назвал три важных момента наших реформ: создание законодательной базы, проведение жесткой денежно-кредитной политики и наведение порядка. Вы знаете, что в Грузии государственности не было несколько веков, и этого опыта нам не хватало. Первая причина - некомпетентность. С появлением знаний вопросы решаются намного лучше. У нас и в налогообложении была не совсем правильная политика - дискриминационная в отношении одних предпринимателей и необоснованные льготы для других. Я бы хотел сказать о принятых законах. Закон о предпринимательстве, о национальном банке, о коммерческих банках, об аренде, об инвестициях, о защите прав потребителей, о монопольной деятельности и конкуренции. Все усилия правительства направлены на то, чтобы создать условия для конкуренции. В конце прошлого года приняты меры по снижению уровня налогообложения. Существенно сократился уровень акцизов, в тоже время на некоторые виды товаров существенно возросли налоги. Например, вы знаете, что Грузия в основном импортирует нефтепродукты, ввозимый бензин и дизтопливо обогались налогом всего 15%. Это не соответствовало налогообложению в других сферах. И с этого года налоги на нефтепродукты привели в соответствие с налогами на другие виды продукта. Я могу сказать, что важный результат прошлого года заключается в том, что темпы инфляции существенно, даже не существенно, а радикально изменились. За первое полугодие прошлого года темпы инфляции составили 11%, а за второе - 2.5%. В целом за год темпы инфляции составили 13.5%, а рост внутреннего валового продукта - 12%. Но, тем не менее, Грузия находится, с точки зрения энергетического обеспечения, в очень тяжелом положении. Населению электроэнергия подается по графику - утром 2 часа, вечером - 4 часа, и этот график нарушается. Основные причины - неплатежи населения за электричество и плохая работа самих этих структур. Дистрибьюторская служба работает очень плохо и взываемость платы неудовлетворительная.

Я хотел бы еще сказать о гомогенности. Причина кризиса в Грузии, не столько в неоднородности населения - здесь другая причина. Либерализация цен началась в Грузии в 1992 г. одновременно с Россией, так как Грузия была так тесно связана с Россией, это был единый организм. И притом блокада, вызванная сначала самим бывшим руководством, потом продолженная уже по другим причинам - это в значительной мере повлияло на производство. И в тоже время надо сказать, что одна из причин кризиса в Грузии состоит в том, что в свое время были построены огромные заводы и фабрики, которые были ориентированы на промышленность СССР, и в тоже время их продукция уже с самого начала была не конкурентноспособна, например в легкой промышленности. В России тоже в легкой промышленности большие трудности, а в Грузии легкая промышленность занимала значительную часть.

Вряд ли либерализация цен могла бы помочь сохранению СССР. Нужна идея государственности. Если бы была единая идея, только тогда бы мог сохраниться СССР. Вот США - насколько они неоднородны, но там государственность есть, там есть идея государственности.

М. Домбровски

директор Центра социальных и экономических исследований

Дамы и господа! С вашего разрешения я хотел бы выйти за рамки той повестки, которая записана в программе, но продолжить тему, которую начал Е.Т.Гайдар - про уроки, которые дает нам опыт посткоммунистических стран. Я хочу сказать про условия успешных реформ и хотел бы выделить две фазы этого процесса. Несомненно, суть первой фазы - процесса трансформации, как предлагали радикальные реформаторы с самого начала, и как подтвердила практика, состоит прежде всего в широкомасштабной либерализации экономики, в достижении макроэкономической стабилизации и в начале

запуска процесса приватизации. Еще два года тому назад экономисты Восточной Европы и западные эксперты спорили о принципиальных вопросах стратегии. Что лучше - быстрые или постепенные реформы, с чего начинать: с макроэкономической стабилизации или, наоборот, со структурных институциональных реформ. Я думаю, что теперь, с точки зрения накопленного опыта, эти вопросы уже не должны вызывать сомнений. Если кто-то строит модели, оторванные от жизни, то можно получить любые результаты. Но если проводить исследования, базирующиеся на реальном опыте, то здесь уже сомнений нет. Скорые реформы показали свою ценность и эффективность по сравнению с постепенными. Первым это в мировой экономической литературе доказал в блестящей статье в 1994 г. [Андреш Осулт](#). Сейчас в "World development report" 1996 г., довольно широко подтвержден этот тезис. Точно также в отношении макроэкономической стабилизации. Раньше считали, что это основная задача первого этапа, что тоже подтвердилось. Это очень хорошо показывает опыт России. Даже широкомасштабная приватизация без достаточной либерализации и быстрой стабилизации не дает никаких результатов пока эти задачи не завершены. К этим очевидным выводам я хотел бы добавить дополнительные замечания. Не только скорость осуществления основной фазы играет роль, но и момент запуска. Страны, которые в начале радикальной реформы запоздали по каким-то причинам, в конце концов так же добились успеха, но уже в более сложных и тяжелых условиях. Фактор времени и экономически, и политически играет очень важную роль. Если первые попытки стабилизации неуспешны, или они предпринимаются не достаточно быстро, создается инфляционная инерция - это именно то, с чем столкнулась Россия в 1991 г., Украина в 1995-1996 гг. Потом надо ждать год-полтора, пока более жесткая фискальная денежная политика даст ожидаемый результат, по сравнению с теми странами, которые запустили этот процесс раньше, как например Эстония, страны Восточной Европы. Второе, за время этого неопределенного

периода попыток нереформирования или непоследовательных реформ создаются новые диспропорции, которые надо будет потом преодолеть в добавок к диспропорциям унаследованным от командной экономики. И третье, за время компромиссных реформ создаются новые лобби, которые очень заинтересованы в том, чтобы разного типа промежуточные решения и механизмы сохранялись. Я думаю, что опыт России и Украины показывает, что даже если правительство в конце концов принимает решение либерализовать экономику, сделать это очень сложно, так как за это время уже выросли сильные лобби, которые заинтересованы в том, чтобы либерализацию не проводить. И потеря времени играет очень важную психологическую и политическую роль. Тот фактор, что страны, которые опоздали, будут подниматься с более низкого уровня, усложняет и саму политику, и социально-политическую атмосферу вокруг рынка. Если посмотреть на те страны, где удалась макроэкономическая стабилизация, здесь основная роль принадлежит либерализации. Первоначальная стабилизация экономики завязана на либерализации. Государственное вмешательство в ценообразование, внешнюю торговлю, в распределение ресурсов вовлекает в бюджет посторонние доходы и расходы, это уже процесс интервенции и, конечно, уже более сложно достичь последовательной макроэкономической стабилизации. И еще один фактор, который надо учитывать в балансе первого этапа реформ - фискальную стабилизацию. Здесь тоже были разные подходы, были споры в мировой экономической литературе, например, между Джеффри Саксом и МВФ о том, надо ли ставить собираемость налогов на первый план или возможно достижение макроэкономической стабилизации при каком-то умеренном уровне дефицита бюджета благодаря другим мерам - фиксированному курсу, более жесткой денежной политике, притоку иностранной финансовой помощи. Опыт показал, что возможно. Среди 15-18 стран, которые приблизительно завершили первый этап трансформации и достигли стабилизации, включая Россию и Украину, мы имеем страны, у

которых нулевой бюджетный дефицит - это Эстония, Чехия, Словения и Хорватия. Есть страны с небольшим дефицитом как Словакия, Польша. Есть страны, у которых довольно высокий дефицит - Грузия, Армения, Киргизия, Албания, Румыния. В России и особенно на Украине этот дефицит довольно еще высокий. И здесь практика показывает, что можно преодолеть дефицит, хотя потом, ситуация усложняется. Особенно в тех странах, которые изначально рассчитывали на иностранную помощь, практически везде эта иностранная помощь имеет тенденцию снижаться, и потом надо подтягивать этот фискальный фронт. И там где этого не удастся сделать достаточно быстро - это угрожает стабильности успеха, достигнутого на первом этапе. И есть у нас, к сожалению, примеры стран, в которых сорвался процесс стабилизации именно из-за этого фактора. Первым сильным примером служит Болгария - практически два раза, в конце 1993 г. и в 1996 г., срывался процесс стабилизации, хотя можно спорить, достигала ли вообще Болгария первоначальной стабилизации. Было время, когда курс болгарской валюты был более менее стабильный, инфляция - 60% в год, но все это сломалось. В России в 1994 г. тоже из-за этого фактора сломалась попытка стабилизации. Если посмотрим на страну, которую я еще полгода назад давал как пример успешных реформ - Киргизия, то 1996 г. показывает, что именно без решения бюджетных проблем другие элементы фискальной макроэкономической стабилизации находятся под угрозой. И не случайно там произошло падение курса сома - более 50% за последний год - при стабильности в 1994-1995 г. Что определяет шансы экономического роста. Это тот вопрос, который волнует именно теперь значительную часть стран, особенно бывшего СССР, которые окончили этот первоначальный этап, включая Россию и Украину. В современной теории есть много гипотез на этот счет. Одна из них говорит о роли социальной нагрузки государства, как фактора, который определяет шансы долгосрочного экономического роста. Это один из очень серьезных факторов. Если посмотреть на опыт

посткоммунистических стран, можно сказать, что этот фактор не сыграл еще значительной роли, но, как мне кажется, будет играть свою роль в будущем. Рост начали как страны с большой долей государственных, в том числе социальных расходов, такие как Словения, Венгрия, Польша, Словакия, так и страны с очень низкой долей - как Киргизия, Грузия, Армения. Раньше много говорилось про стартовые условия и специфику разных стран. Очень часто этот аргумент был использован против радикальных реформ - каждая страна пробовала найти какое-то оправдание тому, что не может проводить реформы: или страна слишком большая, или маленькая, или закрытая, или открытая и т.д. Опыт показал, что все страны должны пройти путь первоначальной макроэкономической стабилизации и те, у кого стартовые условия хуже, должны принимать более жесткие меры. Что касается перспектив экономического роста, то стартовые условия, глубина унаследованных диспропорций, конечно, играют роль.. Хотя Польшу приводят в качестве примера быстрого роста и успеха, наверное это результат политики, которую принимали в процессе трансформации, но, с другой стороны, по разным параметрам стартовые условия Польши были значительно лучше, чем во многих других странах, особенно это касается бывшего СССР и Болгарии. С этой точки зрения Россия не в очень хорошем положении из-за роли секторов тяжелой промышленности и нереструктурированного сельского хозяйства. Хотя, с другой стороны, есть фактор экспорта натуральных ресурсов, который с экономической точки зрения должен помогать, что может не совпадать с политической. Есть еще один фактор, на который стоит обратить внимание - какие сектора выступают в качестве инициаторов экономического роста в тех странах, где этот рост уже начался. Очевидно, что это торговля, услуги в широком смысле этого слова, сельское хозяйство и промышленность, особенно новые промышленные предприятия. Это наблюдение приводит к следующим выводам: Прежде всего, очень сильную роль играет либерализация экономики, т.к. она позволяет развиваться

торговле, услугам, финансовому сектору новой промышленности. И не случайно Россия и Украина имеют большие трудности с запуском экономического роста, поскольку процесс либерализации не доведен до конца. С этой точки зрения такие страны, как Грузия, Киргизия, Армения имеют значительно больше шансов, как страны, в которых процесс либерализации продвинут значительно дальше. Кроме того, значительную роль играет ситуация в сельском хозяйстве. И здесь тоже не случайно в России и на Украине продолжается падение. На Украине главная составляющая спада - сельское хозяйство. Если посмотреть какие секторы тянут экономический рост в Албании, Монголии, Киргизии, Казахстане, Грузии и Армении, то это сельское хозяйство. Даже в Киргизии не до конца решен вопрос частной собственности, но там животноводство и садоводство сделали приватизацию де-факто. Важно и то, как проводится приватизация, и насколько жесткие бюджетные ограничения существуют для государственного сектора экономики. Довольно быстрый экономический рост в Польше после 1993 г. частично касается государственного сектора и не потому, что государственный, а под давлением конкуренции, поскольку он частично корпоратизирован. Государственный сектор встречает твердые бюджетные ограничения и не может рассчитывать на государственную поддержку. Параллельно быстроразвивающемуся приватизированному сектору существует часть государственного сектора, которая в той или иной форме получает государственную поддержку и в которой не наблюдается роста, особенно это касается угольной промышленности, энергетики, оборонной промышленности, частично металлургии. Государственная поддержка прежде всего выражается в согласии налоговых служб на несвоевременную оплату налогов или просроченные долги государственной банковской системе. Насколько правительство в состоянии ввести жесткие бюджетные ограничения? Чтобы их ввести, необходимо иметь либерализованную экономику. Неслучайно в Болгарии программа стабилизации сломалась из-за крупно-

масштабных финансовых вливаний в госсектор. Там за 3-4 года процесса трансформации приватизация госпредприятий практически даже и не началась. И этот нереструктурированный сектор повлиял на макроэкономическую политику. Здесь уже говорилось о необходимости серьезных структурных реформ на втором этапе трансформации. В большинстве стран бывшего СССР существует такая специфика как большой нереструктурированный военно-промышленный комплекс.

Часто задается вопрос, какое время считать хорошим для реформ и какое плохим? С одной стороны, можно считать, что нынешняя ситуация в России не очень хорошая. Очень тяжелая бюджетная ситуация, много социально-политических конфликтов, связанных с этим. Но я бы сказал, что есть шанс проведения именно теперь этих сложных реформ, так как очевидно, что существующая система нежизнеспособна. Ясно, что как-то надо преодолевать кризис. С другой стороны, в таких странах как Венгрия, Словения и Польша, где довольно высокий рост, неплохая бюджетная ситуация, что и демобилизует политические силы делать какие-либо шаги.

Большинство активных политиков предпринимают непопулярные шаги только тогда, когда ситуация вынуждает их это сделать. Конечно, я не говорю о небольшом количестве энтузиастов реформ, но стандарт таков, что большинство политиков, не только в Восточной Европе, но и на Западе, не склонны проводить реформы, которые затрагивают интересы различных социальных слоев. Они вынуждены это делать только под нажимом обстоятельств. Например, процесс становления Европейского денежного союза, который подтолкнул многие страны в Западной Европе к более серьезным социальным реформам, чем 5 или 10 лет назад. В России именно ситуация бюджетного кризиса, растущего ощущения нежизнеспособности существующей социальной политики является тем шансом, который нельзя упустить. Пенсионная система России и Украины имеет все те взрывные элементы, которые привели Польшу к уровню 16% пенсионных

расходов ВВП. До сих пор России держать эти расходы под каким-то контролем помогла высокая инфляция, небольшой размер официально зарегистрированной безработицы и отсутствие институтов правового государства, которые позволяли не платить вовремя зарплату и не выполнять социальные обязательства. Все эти факторы постепенно будут исчезать, и если не будут приниматься соответствующие меры по социальному комплексу, то через 3-4 года Россия может оказаться в ситуации не намного отличающейся от ситуации в Польше или в Венгрии.

А. Аганбегян

ректор Академии народного хозяйства

Первый вопрос, который я хочу вынести на обсуждение: как далеко мы продвинулись к рынку? Я бы сказал так: если до рынка 100 шагов, то сколько мы прошли? По моей оценке около 25. Для того чтобы пройти к рынку надо решить две взаимосвязанные, хотя во многом и последовательные задачи. Первая, относительно простая, - перейти к равновесной экономике, чтобы производство и импорт покрывали платежеспособный спрос. На эту задачу я отважусь 40 шагов, и здесь мы далеко продвинулись, хотя еще многих развитых рынков у нас нет. Нет еще рынка недвижимости, в зачаточном состоянии рынок корпоративных акций. Да и рынка товаров фактически еще нет, из-за региональных барьеров общероссийского настоящего рынка еще нет. И благодаря этому Москва дороже Лондона. Не должно быть такого, чтобы в Белгороде, в двенадцати часах езды от Москвы, одни и те же товары в 3 раза дешевле, чем в Москве, их некуда девать, но при существующих порядках привезти их в Москву нельзя. Главная же задача продвижения к рынку - сформировать такой рыночный механизм, который был бы двигателем экономического прогресса, который заставлял бы увеличивать производство, снимать с производства старые изделия, ставить новые, внедрять технические но-

вовведения, удешевлять продукцию, повышать эффективность и т.д. В решении этой главной задачи мы продвинулись еще очень слабо. Мы очень слабо продвинулись в настоящей приватизации, так как то, что мы называем приватизацией, во многом просто разгосударствление. Большинство акционерных обществ - это не эффективные собственники. Эффективные собственники - те, кто имеет деньги и может вложить их в предприятие, чтобы оно давало отдачу. А если вы имеете машину, но не имеете денег на бензин и ремонт, то она не эффективна. Тоже и с предприятиями. Поэтому предстоит серьезный этап приватизации, связанный с переходом к эффективной собственности. Только тогда могут возникнуть настоящие стимулы, от которых зависит рост. Кроме того, у нас осталась советская система заработной платы - она непомерно низка и не может служить стимулом. В этом плане нам предстоит еще много сделать.

Второй вопрос. Возможно ли было избежать такого глубокого социально-экономического кризиса при переходе к рынку? Я думаю, что это было невозможно. Причем, по трем причинам кризис неизбежно должен был быть глубоким. Во-первых, мы начали переход к рынку, когда уже был серьезный кризис централизованной системы. Во-вторых, мы начали переходить к рынку одновременно с распадом Советского Союза, что привело к разрыву многих традиционных связей и т.д. В-третьих за 70 лет предшествующего периода у нас сформировалась деформированная экономическая структура, коренным образом отличающаяся от структуры, которая может функционировать на рынке, и мы должны были при переходе к рынку проводить конверсию огромного военного сектора, что само по себе крайне тяжело. Мы должны были резко сократить многие гипертрофированные отрасли тяжелой промышленности - СССР производил тракторов в 7 раз больше, чем в США. Зачем на экономику, в четыре раза меньшую, чем в США выплавлять 165 млн т стали, когда США выплавляли 70. Можно привести массу подобных примеров. Естественно, эти гигантские структурные переко-

сы не могли не сказаться на глубине кризиса. Я считаю, что стратегический путь - путь радикального реформирования быстрыми темпами был в целом правильным. Но в осуществлении этого курса не была проявлена достаточная последовательность, и поэтому мы находимся там, где находимся.

Легко быть умным задним числом, но, с моей точки зрения, мы могли бы пройти за этот период в два раза больше. И могли бы с 1994 г. уже идти по восходящей, а не по кризисной кривой. Это связано с тем, что мы были недостаточно последовательны в проведении курса на стабилизацию и либерализацию. Я хочу отметить наиболее критические точки на пути протяженностью в пять лет. В 1-ом полугодии 1992 г. была допущена очень большая ошибка, что не индексировались сбережения населения, которые могли бы быть заморожены, а потом по мере экономического роста размораживаться. Это во многом лишило приватизацию денежного источника. Мне кажется, что искусственно было сдержано осуществление малой приватизации, приватизации жилья, частично земли. Это можно было делать с конца 1991 г. Тогда бы цены в первом полугодии 1992 г. не выросли бы так сильно. Это случилось потому, что либерализация цен проходила только на базе государственных магазинов, если бы к тому времени существовали частные магазины, цены бы так не выросли. Не нужно было ждать утверждения программы всей приватизации для того, чтобы начать частичную приватизацию. В первой половине 1992 года произошло всеобщее обнищание и к середине 1992 года пришлось повышать зарплату сразу во многих секторах. В то время, как это необходимо было сделать начиная с марта 1992 года. То же самое и с неплатежеспособностью. Уже в марте-апреле было ясно, что она нарастает как снежный ком, что привело к росту дефицита бюджета и т.д. По этой причине начался 2-ой тур инфляции. Ведь инфляция в мае 1992 г. упала почти до 8%, как это и намечалось, а в сентябре она стала резко увеличиваться. Был потерян весь 1993 год. Новое правительство обучалось, оно

вначале не понимало, что инфляция подтачивает производство и наибольший обвал производства произошел не в 1992, а с конца 1993 г. и в 1994 г. из-за просчетов в политике. К этому привели необъективные обстоятельства, связанные с факторами, о которых я говорил раньше.

Можно было больше сделать и для укрепления связей между бывшими союзными республиками. Эйфория от сепаратизма прошла, можно было создать условия для наращивания экономических связей. Затем в апреле 1994 г. большая денежная эмиссия, затем “черный вторник”, который перечеркнул все надежды и опять на год отложен подъем. В 1996 г. - президентская избирательная компания, совершенно бездумная политика по линии ГКО, огромные процентные ставки, - еще на год отложено повышение, и известные бюджетные проблемы.

Теперь мы надеемся, что этот год будет первым годом, когда будет хотя бы 1% роста. Такая возможность есть, но: перенапряженный бюджет, огромная неплатежеспособность предприятий (70-80% всех сделок - фактический бартер), существующая система налогообложения. Все это не дает возможности слишком оптимистично смотреть вперед, если названные мной факторы не будут устранены. Одной из ключевых проблем, мне кажется, является порочность налоговой системы, которая 92% налогов и сборов берет с бизнеса и только 8% с населения. Поэтому такие непомерные налоги с бизнеса не стимулируют рост, а с населения так мало берется потому, что структура зарплаты у нас не рыночная, а ее уровень крайне низок и т.д. Нужно понять, что мы находимся в очень глубокой яме. Я считаю, что цифры мирового банка, согласно которым производство валового национального продукта на душу населения в России в размере 2200 долларов с небольшим, занижены не менее чем в 1.5 раза. По моим прикидкам у нас около 4 тыс. дол. на душу населения, а если учесть довольно большой теневой сектор, то и больше. Многие серьезные западные специалисты считают, что с

учетом теневого сектора у нас уже начался экономический рост. В виду того, что у нас пусть и 4 тыс. дол., а в США 25 тыс. дол., в развитых европейских странах - 20 тыс. дол., мы должны развиваться более существенными темпами, чем развитые страны. Мне очень нравится цитата из Адама Смита, которая выбрана девизом этой конференции: “Низкие налоги”. Я считаю, что самыми важными нашими задачами на сегодняшний день являются: проведение нормальной приватизации, налоговая реформа, реформа заработной платы, приведение ее к рыночному виду, совмещение ее во времени с реформой жилищно-коммунального сектора, пенсионного обеспечения, здравоохранения. Люди из своих доходов должны обеспечивать свое будущее. И, конечно, изменение всей системы государственного регулирования с точки зрения стимулирования. Мне кажется, что мы сейчас по некоторым позициям заходим в тупик. Коротко остановлюсь на этих проблемах.

Первое. Наше государство в принципе не способно обеспечить пенсионеров страны. У нас 37 миллионов пенсионеров и расходы на уровне 16% ВВП, как в Польше, будет означать, что пенсионер будет получать пенсию ниже зарплаты молодого рабочего, что совершенно несправедливо. Во всех странах пенсионеры более богаты, имеют больше сбережений, чем работающие люди - они всю жизнь копили деньги на пенсию, они ее отработали.

Второе. Государство в принципе не сможет собрать налоги при тех ставках которые существуют на сегодняшний день, либо нужно закрывать целые отрасли.

Третье. Государство в принципе не в состоянии изменить в сторону улучшения наши показатели здоровья и жизни. Мы по расходам на здравоохранения, измеренного в долях бюджета, находимся в самом низу списка из 100 стран. У нас идет депопуляция населения, смертность от болезней сердца, связанная с некачественностью медицинского обслуживания, у нас выросла на треть.

Четвертое. Местные власти не могут содержать жилищный фонд и коммунальное хозяйство за счет бюджета, население должно платить за свое проживание, а не государство.

Для изменения этих ключевых параметров нам нужна социальная реформа. У меня не складывается впечатление, что подготовлены предложения по социальной реформе достаточно радикальные для того, чтобы изменить положение. Для относительно бедной страны, которой является Россия по уровню дохода населения, у нас совершенно непомерен разрыв между бедными и богатыми, и связано это с пороками социальной политики.

Все же я считаю, что худшее позади, хотя предстоит пройти через целую полосу достаточно радикальных реформ в разных областях, чтобы выйти на широкую дорогу. Чувства успокоенности нет. Мы депрессируем на нижней точке кризиса после двойного падения, сравнимого только с великой депрессией 1929-1933 гг. Ничего подобного с крупными странами в мире никогда не происходило. Депрессируя или стагнируя на этой нижней точке кризиса нельзя говорить о стабилизации.

А. Нечаев

Президент Российской финансовой корпорации

У нас за последние годы произошло закономерное явление - резко набрала силу бюрократия. У нас сильная бюрократия притом, что у нас слабое государство. Может быть одной из удачных предпосылок для реформ 1992 г. было то, что они происходили в ситуации, когда государства практически не было. Поэтому мы были обречены на решения, которые не требовали сильной государственной власти, что позволяло осуществлять многие достаточно смелые меры по либерализации экономики и не встре-

чать сопротивления бюрократии. Бюрократии как бы и не было. Поэтому можно было говорить о массе недостатков, но единственное в чем нельзя было обвинить наши решения - это в недостатке политической воли. Ее как раз было в избытке. И это ровно противоположная ситуация тому, что мы наблюдаем сейчас. Я убежден, что желанием понравиться всем наше правительство прохлопало три года и фактически те реформы, которые должны были последовать за первыми либерализационными шагами 1992 г.: военную реформу, пенсионную, структурную, реформу жилищно-коммунальной сферы. Фактически ни одна из них не была начата и продекларирована.

Я просматривал газетные вырезки за 1992-1993 г.. Одна из статей называлась “Нечаев обещает 10 образцово-показательных банкротств”. Я если и испытываю вину за что-то содеянное нами в течении трех лет, то только за две вещи. Первое, за то, что мы сразу не либерализовали цены на нефть, и второе за то, что не знаю, обещали ли мы эти банкротства, но за то, что мы их не провели, я испытываю угрызения совести. За последующие четыре года, несмотря на все запугивания со стороны ВЧК, ничего в этой сфере практически сделано не было. Отсутствие воли применить цивилизованный механизм банкротства - это одна из причин, что не идет реформа на микроуровне и не осуществляются структурные реформы.

Еще несколько иллюстраций в подтверждение двух тезисов о том, что у нас крайне неблагоприятные условия для бизнеса и слабое государство при сильной бюрократии. Тот бюджетный кризис, который мы сейчас наблюдаем и связанная с ним налоговая ситуация. Я не буду говорить долго о налоговой системе, только отмечу один момент. Часто используется тезис, что у нас уровень налогов не выше, чем во многих западноевропейских странах. Но при этом не надо забывать, что экономика переходного периода требует существенно больше инвестиций и больших возможностей для предприятий их осуществлять, и поэтому нужно оставлять им больше средств. Но на

самом деле это неправда. Был проведен анализ, который показывает, что если не сравнивать “в лоб” налог на прибыль, НДС и т.д., а взять всю совокупность налогов и условно их пересчитать в налог на прибыль, то у нас уровень налогообложения в 1.5 раза выше, чем в европейских странах. И, главное, такой уровень налогообложения автоматически предполагает, что налоги не будут собраны. Правило, которое любят приводить о зависимости уровня собираемости налогов от уровня налогообложения трактуется с точностью до наоборот - мы не будем понижать налоги, так как мы их все равно никогда не соберем. Это такой старый госплановский дух: побольше попросишь - поменьше дадут, но все-таки дадут. Та же ситуация и в налоговой системе.

И совсем уже абсурд с тем, что происходит с уклонением от налогов. Система штрафов, которая у нас существует за уклонение от налогов, понуждает идти человека до конца, вынуждает его на взятки, на преступления. Так как даже при спорной ситуации налоговая инспекция сделала вывод, что вы неправильно посчитали свою прибыль и неправильно заплатили налоги, то с учетом всей системы пени, штрафов и т.д. вы платите в семикратном размере. В переводе на иной язык это означает, что если вы недоплатили налог, то государство вас как бы прокредитовало. Хорошо бы жили сейчас те банкиры, у которых брали бы кредиты под 700% годовых. Если вы переплатили, то вам ничего не платят, никаких процентов не начисляется. Сама система построена таким образом, что она не может собрать налоги. Причем об этом как бы все знают, но ничего не происходит.

Еще один момент, который свидетельствует о слабости государства - это полностью упущенный контроль над естественными монополиями. В этой сфере, т.е. как раз там, где государство и должно действовать, там оно действует как раз очень слабо. МПС забрал весь тот прирост, который могли получить предприятия за счет постоянного снижения экспортного тарифа. И более того, динамика роста тарифов на железно-

дорожные перевозки существенно опережает динамику общепромышленного индекса цен. И это поставило целые отрасли, целые регионы, помимо других факторов, на грань выживания. И это при том, что создан целый правительственный орган по контролю за естественными монополиями.

Слабость государства при силе бюрократии находит свое выражение в чрезвычайно высоком уровне коррупции, проявляющейся в самых разных и неожиданных формах. Начиная от регистрации договора аренды в госкомимуществе и т.п. Простые вещи, которые должны носить уведомительный характер, у нас носят разрешительный, что для либерализованной экономики более чем странно. При этом разрешительный порядок все расширяется, создавая условия для повышения уровня жизни объективно нищающего чиновничества.

Кроме того, специфические отношения государства с отдельными финансово-промышленными группами. В среде бизнесменов бытует шутка о передвижной кормушке. Она действительно некоторое время довольно активно двигалась, что позволяло поддерживать такой социальный мир в среде предпринимателей. В последнее время движение этой кормушки резко замедлилось, устойчиво останавливаясь у определенной части стойла. Список уполномоченных банков можно прочитать. Понятно, что должны быть нормальные отношения между государством и бизнесом, понятно, что государство должно иметь каких-то своих агентов для реализации тех функций, которые оно само не должно выполнять. И я глубоко убежден, что поддержка частных инвестиций государством должна вестись через специализированные инвестиционно-финансовые институты, которые может быть в большей или меньшей степени под контролем государства, но быть при этом коммерческими, с точки зрения принятия решения. Но у нас это носит совершенно другой характер, эта уполномоченность, агентские отношения и т.п.

В условиях такого развития государства довольно забавное продолжение получили чисто либерализационные мероприятия. Это действительно большая веха в рамках либерализации экономики - отмена квот на экспорт. Но при этом отмена квот на экспорт была по сути заменена введением квот на трубу. Т.е. раньше платили взятки за квоты, теперь платят за доступ к трубе. Или за доступ к железнодорожным вагонам и т.д. К сожалению, при этом государство не выполняет целый набор функций, который оно просто обязано выполнять. Государство фактически уклонилось от реализации своей основной обязанности в рыночной экономике - защиты собственности и собственника, от функций посредника в хозяйственных спорах.

У нас абсолютно не работает судебная система. Но даже если откинуть ее малоподвижность, ее чрезвычайную коррумпированность, то у нас нет механизма исполнения судебных решений. Есть полтора десятка силовых структур, число их постоянно увеличивается, но при этом нет системы, которая исполняла бы судебные решения. Соответственно в эту нишу устремляются криминальные структуры. Мы прекрасно знаем, что сейчас криминальные структуры в значительной мере исполняют функцию и арбитра, и судебного исполнителя, и целый ряд других функций, которые в нормальной стране исполняет государство. К этому подталкивает и налоговая система, т.к. одной из распространенных форм ухода от налогов является “черный нал”, наличный денежный оборот, который не обусловлен никакими экономическими потребностями. А если по стране бродят триллионы неучтенных денег, то их надо перевозить, охранять и т.д. - это предполагает большие альтернативные службы.

И, наконец, совсем парадоксальная ситуация для экономики, которая считает, что у нее есть государство - это не соблюдение прав акционеров. Мы знаем примеры, когда директор вычеркивает из реестра тех или иных акционеров. Недавно мы занимались одним инвестиционным проектом и в его рамках пытались найти инвестора под

достаточно крупный пакет акций одного крупного блока. Вдруг, выходит постановление заместителя губернатора Мурманской области о том, что они запрещают проводить какие-либо действия с акциями и векселями, которые имели отношения к такому-то блоку. Это можно воспринимать как шутку. Наверное сложно в такой ситуации говорить о серьезных инвестициях и поддержке частного бизнеса. У нас сложилась парадоксальная ситуация, когда жить по закону сложно, а обходить его легко.

Е. Майминас

ведущий научный сотрудник Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН

В России произошла пока не стабилизация экономики, а консолидация власти. Если сравнить август 1991 г. и сегодняшний день, то мы увидим колоссальную разницу между романтическим настроением тогда одних и разочарованием других и между консолидацией теперь. Из тумана выступило лицо старой новой власти. Правящий слой в России традиционно оседлал государство, как свою основную опору и главный источник своего богатства - это стержень российской власти от Ивана Грозного. Ныне в России правящий слой состоит из части старой номенклатуры, новой номенклатуры, из части новых русских - скоробогатеев, переплетенных с теневой экономикой и криминальными структурами. Этот конгломерат и является правящим слоем. И у него все явственнее проступают черты связи с государством и отрыв от народа. О том, что это именно так свидетельствует целый ряд фактов, о которых всем нам известно: амнистия ГКЧпистам, отсутствие “нюрнбергского” процесса, применительно к нашим условиям, амнистия участникам событий 1993 г. С другой стороны провал работы ВЧК: серьезных банкротств не было. Не раскрываются заказные убийства и их организаторы. Никто не несет ответственности за авантюру в Чечне. Все это подтверждает, что правящий строй консолидировался. Об этом хорошо сказал заместитель министра экономики

Сергей Васильев. Он показал, что на фоне этой консолидации существует тренд к де-либерализации экономики. Естественно, что этот строй вырабатывает привычную для себя идеологию, которая базируется на державности. Все это встречает определенное понимание в стране. Снизу тоже надеются на государство и на старые традиции российской общинности - уравнительность, надежда на государство, иждивенчество.

В центре российских споров о будущем долго будет проблема: больше государства - меньше государства. Поэтому в ближайшем будущем имеют перспективы не идеи, основанные на суверенитете личности, идеи либерализма, а скорее всего, идея программы, опирающаяся на примат государства или требующая относительно больше государства. Главный спор будет происходить между консерваторами при относительно большей роли частного капитала и авторитаристами при относительно большей роли государственного сектора. Поэтому надо иметь ввиду эту реально образующуюся и развивающуюся тенденцию. Господин Васильев хорошо показал, что региональные деятели сейчас тоже консолидируются, с опорой на малое государство. И у него есть идея выбить у них часть рычагов и опять взять их в федеральное управление. Это прямо противоречит тому, что говорит г.Багратян, что тенденция в перераспределении властных полномочий должна идти от государства к местным властям и к первичному производящему субъекту. Я надеюсь, что когда-нибудь, может быть после нас, идея либерализма все же восторжествует.

М. Афанасьев

начальник департамента финансов Аппарата правительства

В качестве эпиграфа к своему выступлению я хотел бы процитировать русского историка Милюкова, который в очерках о русской истории очень верно подметил: “В России государство оказалось сильнее, чем общество”. Я совершенно согласен с вы-

ступавшими в том, что начался новый процесс огосударствления. Я хочу привести несколько примеров, которые для большой аудитории обычно остаются незамеченными. Раз в 10 дней появляется очередное постановление, в котором продляется срок закрепления акций еще на три года за государством. Практически каждую неделю вносятся предложения о пересмотре системы регулирования цен и, прежде всего, цен, связанных так или иначе с ТЭКом. Надо отдать должное нынешнему министру топлива и энергетики г.Радионову, который занимает очень активную позицию по замораживанию цен на газ на уровне 1996 г. Пока еще удается это сдерживать, но неизвестно до какой поры.

Проблема, связанная с пенсионным обеспечением в нашей стране, вылилась в то, что возникла идея организовать федеральную пенсионную службу в ранге министерства.

Огромная проблема неплатежей, которая сейчас возникла, в той или иной форме ведет к тому, что мы вступаем на путь деприватизации предприятий. Возьмем разработываемый указ о реструктуризации долгов «АвтоВАЗ». Смысл заключается в том, что «АвтоВАЗ» сейчас эмитирует большое количество акций и облигаций, а потом эти акции и облигации заложит государству. На этот путь хочет встать и большое количество других предприятий, которые радостно заявили, что выпустят сколько нужно акций, только бы их взяли обратно под государственную опеку. Поэтому под лозунгом реструктуризации долгов проходит в неявной форме деприватизация предприятий. Что я хотел бы отметить в качестве отличительных черт тех пяти лет, в течении которых проходили реформы, это то, что бюрократическая стабилизация в стране наступила раньше чем финансовая стабилизация. И, мне кажется, эта гипотеза во многом объясняет те процессы, происходящие сейчас в сфере экономики и финансов. Существует достаточное количество подготовленных финансистов, которые достаточно ловко изобретают

новые инструменты (мне тоже приходится в этом участвовать), чтобы решать существующие проблемы, чтобы не очень нарушая закон о федеральном бюджете перебрасывать одни расходные статьи на другие и т.д. Тактика приблизительно такая: там где загорелось - туда высылаются пожарная команда и решается проблема. Если бастуют студенты - дается студентам, если студенты не бастуют - решаются проблемы с шахтерами и т.д. Количество ресурсов не увеличивается, а достаточно активно уменьшается, и в основном благодаря усилиям министерства финансов ситуация как-то держится на плаву. Приблизительно тоже самое происходит с неплатежами предприятий. Профессор Майминас упомянул, что ВЧК недостаточно активно работает. Поскольку я являюсь руководителем рабочего аппарата ВЧК, то могу сказать следующее: когда мы в ноябре нажали на предприятия, то прирост задолженности в федеральный бюджет сократилась в почти в 3 раза. Т.е. за октябрь прирост был 6%, а на 1-ое декабря прирост неплатежей в бюджет составил всего 2%. Но это привело к тому, что просроченная кредиторская задолженность с 19% ВВП выросла до 25% ВВП. Тогда мы вынуждены были приостановить свой нажим, так как выяснилось, что количество оборотных средств у предприятий ограничено. И предприятиям безразлично как будут называться те деньги, которые они отдают: то ли это долги своим поставщикам, то ли это налоги. Им совершенно не важно как назывались налоги: текущими платежами или просроченной задолженностью. Одна из самых очевидных, лежащих на поверхности проблем, с которыми мы сейчас сталкиваемся в сфере финансирования, - это оборотные средства предприятия. Эта проблема интерпретируется 9/10 состава правительства несколько неправильно. Смысл заключается в том, что опять был поставлен вопрос о пополнении оборотных средств предприятий за счет государственных ресурсов. От радикального решения удержало только вмешательство Председателя ЦБ С. Дубинина и начальника Контрольного управления Администрации Президента И. Кудрина, которые свели эту

проблему на рекомендации Минфину РФ рассмотреть целесообразность этого вопроса. Если бы не они, то сегодня бы уже бодро пополняли оборотные средства предприятия. Соответственно, основная проблема, с которой мы сейчас сталкиваемся заключается в том, что не закончена институциональная реформа. В нее включается и процесс разгосударствления и процесс приватизации, по которым до сих пор не принято принципиального решения о направлении движения. Пока правительство однозначно не определится в чем собственно состоит причина тех финансовых проблем, которые мы имеем, существенных изменений не произойдет. В частности, ст. 62 Закона “О федеральном бюджете на 1997 г.” позволяет правительству вводить индивидуальный порядок налогообложения. Попытки Минфина РФ отклонить эту идею лишь вызвали обратную реакцию у Госдумы. Вопрос каким образом мы будем исполнять бюджет на 1997 г. остается открытым. Госдума отклонила идею о первоочередном порядке уплаты налогов. Вся Дума, за исключением 5 человек, проголосовала за то, чтобы сначала платилась зарплата, а потом налоги.

Социальная проблема в настоящее время является одной из ключевых. В качестве иллюстрации: существуют семь видов неплатежей, которые отслеживаются Госкомстатом России. Неплатежи коммерческим банкам, поставщикам и в федеральный бюджет в той или иной степени остаются достаточно стабильными, резко растут неплатежи по заработной плате. Это говорит о следующем: Во-первых, проблема избыточной занятости является ключевой проблемой для существования эффективных предприятий в России. Это и ведет к тому, что ликвидность предприятий понижается. Но, с другой стороны, поскольку мы неплатежами занимаемся с 1992 г., по структуре неплатежей можно определить изменения в приоритетах у предприятий. В 1992-1994 г., даже в еще в 1995 году, первоочередными для предприятий были прежде всего платежи по кредитам коммерческим банкам, потом заработная плата рабочим, потом поставщикам.

Сейчас эта система приоритетов радикально изменилась. Самым уважаемым партнером для предприятий остаются коммерческие банки, на второе место с начала 1996 г. вышли поставщики, потом с огромным отставанием следует федеральный бюджет, и самым не уважаемым кредитором стали работники предприятия. В известной степени на микроуровне, на уровне предприятий пришел конец патернализму. Мне представляется, что директорам уже стало безразлично, что происходит с их рабочими. В настоящий момент можно говорить о существовании двух тенденций: тенденция к некоторой рационализации деятельности на уровне предприятий и тенденция к огосударствлению на федеральном уровне. Я не совсем согласен с Е.Гайдаром, который утверждал, что негомогенность общества ведет к тому, что в стране налоги не платят. Дело не только в этом, это не первоочередная причина. Дело в том, что в стране налогов никто не собирает. Государственная налоговая служба отвечает только за правильность начисления налогов. В соответствии с Российской конституцией все налогоплательщики несут личную ответственность за уплату налогов. В этой ситуации говорить о серьезной работе по сбору налогов не приходится. На мой взгляд существует две основных проблемы в налогообложении. Первая связана с тем, что налогами перегружен производственный сектор экономики. И явно недогружено население. В США, например, индивидуальные налоги составляют 72% в общей структуре налоговых поступлений и налог на корпорации - 9%. У нас налог на прибыль дает около 32% всех налогов поступлений, а налог на физических лиц дает не более 7.5%. При этой структуре налоговых поступлений говорить о конкурентоспособности промышленности нельзя. Вторая проблема - налогообложение секторов экономики. В 1996 г. валовый продукт, который производит промышленность равен 34%, в тоже время налоговые поступления, которые платит промышленность составляют 55% в общей структуре налоговых поступлений. Банковский и финансовый сектор производят около 13% ВВП, приблизительно

как в Англии, но при этом их доля в налоговых поступлениях всего 4.5%. Государственная финансовая служба должна обратить внимание на налогообложение вновь возникших секторов экономики. Конечно, гораздо проще прийти на большое крупное предприятие и разбираться там, чем в коммерческом банке пытаться разбираться в его сложных документах. Поле для эффективной государственной деятельности сейчас огромно. Налоги надо искать там, где они есть, а не там, где их нет. Бесполезно проверять 100 раз ВАЗ, о нем и так все известно. Все налоги, которые должны были быть им уплачены пошли на производство 10-ой модели жигулей. Что происходит с коммерческими банками понять довольно сложно. Я пытался вести разговор с 1-ым вице-премьером г.Потаниным на эту тему, но мне было сказано, что крупные коммерческие банки платят налоги корректно и в срок, а ничего не платят всякие маленькие финансовые компании типа МММ. У меня нет убежденности, что ситуация именно такова. Поэтому я должен сказать, что, с одной стороны, мы имеем огромный рост бюрократизации системы управления, но, с другой, не имеет государственной машины там, где она должна быть. Еще Маркс говорил, что одной из основных функций государства является сбор налогов. К сожалению, большинство наших министров рассуждают о том, что у нас есть алкогольная, сахарная независимость, есть проблемы энергетической, текстильной безопасности, а то, что бюджет является ключевым моментом государственной безопасности, о которой они так пекутся, это выпадает из их поля зрения. Государство должно быть там, где оно должно быть, и его не должно быть там, где его не должно быть.

В. Мау

заместитель директора ИЭППП

Продолжая размышления М.Афанасьева, я хотел бы обратить внимание на существование своеобразной очередности платежей в нашем народном хозяйстве. Надо

отдавать долги банкам - иначе убьют. Партнерские предприятия с меньшей вероятностью, но тоже могут принять адекватные меры. Государство может прислать налоговую полицию, но есть возможность откупиться. Что касается населения, т.е. собственных работников, они конечно могут начать забастовку, но какой директор не возглавит забастовку на собственном предприятии. Это является подтверждением рациональности поведения наших экономических агентов, о которых я не собираюсь говорить. Наша реформа парадоксальна как с экономической, так и с политической точки зрения. Мы на протяжении пятим лет реформ каждый год надеялись, что в текущем году можно будет решить задачи стабилизации. Каждый год она срывалась, но политические надежды как правило были. А в 1996 г. все было против решения задачи стабилизации. У нас перед парламентскими выборами экономическая политика ужесточалась, а после ослаблялась. Доминирование инфляционистов в правительстве в начале 1996 г., но задача стабилизации с точки зрения подавления инфляции решена. Если мы посмотрим на поведение экономических агентов - оно на удивление рационально (сужу об этом на основании исследований нашего института последних двух лет и на панельных опросах). Несмотря на все политические факторы - минимальные инфляционные ожидания. На начало года инфляционные ожидания низкие и ежемесячно снижающиеся. Реальная инфляция оказалась ниже прогнозной, хотя весь предыдущий год инфляция и ее ожидания совпадали почти на 100%. Перетекание средств в ГКО - стандартная реакция, четко уловленный момент возможности не платить налоги. Т.Карякина, выступая на слушаниях в Госдуме, только в апреле сказала свою знаменитую фразу о том, что коммунисты никогда не будут бороться с предпринимателями. Предприниматель может быть жуликом, может химичить, не платить налоги, но лишь бы был патриотом. А скачок неплатежей налогов произошел уже в декабре 1995 года. Удивительное чутье экономических агентов на политическую конъюнктуру выразилась в очень точной реакции

не только рынка ГКО, но и корпоративного рынка ценных бумаг. В общем абсолютная предсказуемость социологического поведения экономических агентов. Поведение правительства в этой ситуации было понятным - ослабление бюджетной политики при увеличении госрасходов, жесткая денежная политика заимствования. И довольно интересный феномен. Резкий прирост денежной массы на кануне выборов. Это во многом явилось реакцией на шоки 1994 г., на “черный вторник”, когда скачок инфляции наступил с лагом в 4 месяца после начала инфляционной политики. Поэтому Правительство, из желания себя обезопасить, все возможные денежные вливания сосредоточило за месяц до выборов, когда понятно, что будет позитивный результат, а негативный наступить до выборов не успеет. Другое дело, что этот шаг был весьма не эффективным. Мы в институте провели регрессионный анализ итогов выборов и элементов экономической политики в региональном разрезе. Окончательные результаты еще пока не получены, но предварительно понятно, что среди факторов повлиявшим на итоги выборов доминирующим является уровень зарплаты и долги по зарплате. И. что интересно, что долги по зарплате, чем дальше от выборов, тем существенней с точки зрения корреляции успеха или неуспеха Б.Ельцина на выборах. Решение правительства о демонстративной выплате задолженности по зарплате на протяжении апреля-июня ни какого вклада в победу правительства не дало. Классическая поговорка о том, что правительство - коллективный жулик, народ - коллективный дурак, не срабатывает. Еще один результат исследования: общий уровень официально зарегистрированной безработицы и поддержки Б. Ельцина находятся в положительной зависимости. Это надо проверять, но, на первый взгляд, это может быть объяснено тем, что открытая безработица признак структурных реформ. Чем больше безработных, тем большая часть населения более активно находит себя в экономических секторах, и чем больше скрытая безработица, тем хуже экономическая ситуация в данном регионе.

В заключении назову три проблемы, которые представляются наиболее опасными и существенными. Одна проблема - экономический рост. Проблема состоит в том, что начнется или не начнется экономический рост через два года после проведения стабилизационных мероприятий. Задача сопоставима с 1991 г. Тогда лаг между либерализацией и преодолением товарного дефицита составлял месяц и был понятен, сейчас явных предпосылок роста должно быть больше, т.к. проблема не сводится только к остановке инфляции, а период гораздо длиннее. С точки зрения опыта других стран этот период является наиболее болезненным. Период, когда инфляции нет, а есть депрессия, а тем более после пяти лет попыток стабилизации, т.е. когда потенциал терпения крайне слаб, этот период достаточно неприятен. Тем более, что лоббизм у нас уже нарастает.

И вторая проблема. Несмотря на победу Ельцина, в России до сих пор сохраняется стандартный чилийско-бразильско-перуанский набор экономических предпосылок популизма. Главное - разрыв между экспортно- и импортоориентированными секторами, т.е. два сектора экономики требуют совершенно различной экономической политики. Причем, один из них традиционно рассматривается, как сектор национального предательства, а другой, как сугубо патриотический, но страдающий от акул иностранного бизнеса. Неважно является ли это как в России машиностроение, как в Чили - медные копи, а в Бразилии - сельское хозяйство. Плюс целый ряд политических проблем, которые у нас сравнимы с проблемами тех стран, которые находились на грани срыва.

С. Павленко

руководитель РЦЭР при Правительстве РФ, заместитель председателя комиссии по экономической реформе Правительства РФ

На мой взгляд самое интересное для исследователя сейчас не сравнение двух классов государственных образований таких, как национальные республики в составе

Российской Федерации и бывшие республики, а ныне страны СНГ, а скорее предположения о будущем развитии этих двух групп и соответственно положение Российской Федерации в их среде. Насколько вообще правомерен сопоставительный анализ этих групп? Есть некий позыв в российском обществе строить сопоставительные отношения с этими группами. Поскольку Россия, осуществляя переход от состояния ядра империи в рамках СССР к модели национального государства, нуждается в переосмыслении Российским истеблишментом отношений с бывшими окраинами и с новыми квазиобразованиями внутри Федерации. Отношения с теми и другими весьма актуальны. На мой взгляд, ситуация складывается следующим образом: отношения со странами СНГ выделяются из среды внешних отношений и все больше и больше рассматриваются как отношения в треугольнике, образованном взаимодействиями федерального центра с национальными республиками в составе РФ и бывшими республиками СССР. Все большее движение осуществляется в сторону, когда в число национальных республик включаются не все титульные национальные республики в составе РФ, а наиболее крупные: Башкортостан, Татарстан, Якутия-Саха, Карелия и Коми. Что касается бывших республик, то в первую очередь речь идет о республиках: Белоруссия, Украина, Молдова и Казахстан и частично Киргизия. Эти два класса образований достаточно сопоставимы с другими регионами РФ по размерам территории и численности населения, сопоставимы доля русскоязычного населения, структура местной экономики, социальное качество населения, объем товарооборота. Например, Белоруссия экспортирует в некоторые регионы РФ столько же сколько и Татарстан, находящийся в составе РФ. Сопоставимы доходы федерального бюджета РФ от налогообложения этих 2 групп. Белоруссия приносит в федеральный бюджет примерно столько же сколько и Татарстан. Сопоставимы и размеры потерь федерального бюджета от предоставления различного вида льгот как внутренним, так и внешним республикам. Объективными показателями

не исчерпывается сходство. Власти национальных республик обладают сопоставимыми возможностями контроля за финансовыми потоками, Не имея официально независимых от центрального банка РФ местных банков, они тем не менее располагают примерно таким же, а то и более развернутым набором инструментов по регулированию финансовых потоков, что и международно признанные бывшие республики. Слабое отличие лишь в том, что власти национальных республик в составе России могут производить лишь квазиденьги, а независимые республики настоящие деньги. Но на самом деле различие между этими бумажками не такое уж большое.

Во-вторых, власти тех и других республик обладают сопоставимыми возможностями в доступе к мировым финансовым рынкам для осуществления внешних заимствований, поскольку рейтинг российских республик на финансовых рынках выше, чем у независимых.

Третье - власти национальных республик располагают возможностями самостоятельного регулирования правовой среды. Таким образом сходств больше чем различий, что и создает специфическую ситуацию относительно нового федерализма в РФ, волну стремления к интеграции в рамках СНГ. В первую очередь в рамках так называемых двоек и четверок.

Однако это не должно затушевывать очевидно происходящие процессы, смещения интересов крупного российского капитала из национальных республик в составе РФ в бывшие республики СССР. До недавнего времени республики в составе РФ рассматривались как политически безопасные, политические риски, инвестиции в них были существенно ниже, чем в других регионах РФ. Однако политические риски в других регионах начали снижаться и оказалось, что разница политических рисков не компенсируется другими соображениями и другими составляющими инвестиционной привлекательности. Капиталы начали смещаться, начали искать новую нишу на рынке и

устремилась в регионы, в которых местные режимы еще не стабилизировались, раздел государственной собственности еще не произошел, собственность недооценена, издержки производства ниже, чем в большинстве регионов РФ, местный капитал не сформировался, не выдвинул своих требований, не выработал политических механизмов защиты своих интересов. Т.е. русский капитал условно стал смещаться из Татарстана в Белоруссию.

Это смещение пока обслуживается российской государственной бюрократией, для которой он является как бы психологической компенсацией за те поражения, которые понесены на внутреннем фронте. Мотивация, условно говоря следующая: раз уж мы потеряли Татарстан, то давайте приобретем Белоруссию, раз потеряли Чечню - приобретем Крым. Это базируется на идейном наследии, оставшимся от советских времен.

Под большим вопросом остается устойчивость этого сдвига. Мы имеем ускорение процесса огосударствления национальных республик в составе РФ и ускорение процесса регионализации бывших республик СССР, в первую очередь западных. Если предположить, что этот процесс будет идти и дальше, что он стабилен и устойчив, можно предполагать возникновение целого ряда трудностей для федерального правительства РФ, для устойчивости режима управления Россией. Самая очевидная трудность состоит в том, что существующая бюрократия с задачей обеспечения проникновения в бывшие национальные республики и сдерживания сепаратизма в республиках в составе РФ не справляется и справиться не способна. Отсюда можно ожидать нового витка противоречий внутри системы федеральной власти, которая базируется на бюрократии и на группах интересов крупных структур финансовых и промышленных. Также очевидно, что власти национальных республик в составе РФ столкнутся с существенными трудностями инвестиционными, финансовыми, социальными в результате снижения их привлекательности для инвесторов, и можно ожидать обострения отношений

между федеральным правительством и этими республиками. Так же и власти ныне независимых государств не будут счастливы от происходящего. Таким образом мы наблюдаем редкий, но описанный в учебниках процесс реструктуризации экономического пространства, который влечет реструктуризацию пространства политического контроля федерального правительства РФ. Очевидно также, что процесс этот в нашем Российском случае приведет к смене целого слоя российского правящего эстеблишмента, во всяком случае в части его бюрократической составляющей.

А. Добровольский

Объединенная гражданская партия республики Беларусь

Белорусские реформы трудно назвать реформами. По-видимому, это пример того, что и как делать не нужно. В части денежной политики власти Белоруссии первоначально пошли по стопам Украины. Были введены талоны, как приложение к деньгам, таким образом пытались решить проблему дефицита продовольствия. Естественно, что успеха это не принесло. Потом были выпущены расчетные национальные билеты, ходившие наряду с Российской валютой. По ним планировалось продавать продовольствие, а все остальные товары за российскую валюту. Это был переходный этап становления белорусской валюты, очень сильно затянувшийся и только в 1994 г. расчетные билеты были объявлены национальной валютой. К тому времени российский рубль был практически вытеснен с рынка. В 1995 г. курс доллара в Белоруссии вырос с 10 тыс. до 11 тыс. 500. Повышение процентной ставки и удержание курса привело к каким-то признакам стабилизации, хотя это не было дополнено никакими структурными реформами. Практически та программа стабилизации, которая была предложена А.Лукашенко и утверждена Верховным советом, выполнена только в области денежной политики и то неполностью. В 1996 г, когда национальный банк возглавила

г.Линникова, была резко увеличена эмиссия при административном удержании курса доллара. По примеру России был введен валютный коридор, но в совершенно иных условиях, что привело к появлению двух курсов национальной валюты. Курс наличной валюты был более менее свободным, курс безналичной валюты устанавливался гораздо ниже. К началу января этого года сложилась такая ситуация - курс наличной валюты превышал 20 тыс. белорусских рублей за доллар, в то время как курс безналичной составлял 15 тысяч. Это было огромным ударом сначала по экспортерам, потом по импортерам и по всей экономике, так как некоторые фирмы, приближенные к администрации, могли покупать эти доллары за 10 тыс., а некоторые и за 30 тыс. не могли купить. В этот момент был совершен еще один беспрецедентный шаг - была национализована межбанковская валютная биржа, которая являлась акционерным обществом, в свое время созданное коммерческими банками. Директор был уволен, назначен новый - обычная практика нашего Президента. В середине января наличный курс доллара составил около 30 тыс. белорусских рублей, и в этот момент Президент приказал резко понизить курс, и на следующий день он стал 22,5 тыс. Одновременно курс несколько снизился и у финансовых компаний, с 32 тыс. до 27 тыс. бел. рублей за доллар.

Еще несколько слов о том, как шла приватизация в Белоруссии. Первый этап шел через аренду предприятий и позволил приватизировать несколько десятков предприятий, которые сейчас довольно неплохо работают, несмотря на все трудности в экономике. Второй этап - чековая приватизация - практически заблокирован. Было создано несколько специальных приватизационных фондов, которые с большим трудом разворачивали свою работу. И как только несколько очень интересных предприятий были проданы на чековых аукционах, Президент отменил результаты этих аукционов, сформировал некоторые фонды, заморозил счета и объявил, что начнет приватизацию точно, с особого разрешения Президента по каждому конкретному объекту. Практи-

чески чековые инвестиционные фонды не работают, хотя формально существуют. чековая приватизация не проводится, хотя под давлением предпринимателей на 1996 г. Президентом подписана программа приватизации.

Государственные предприятия превращаются в акционерные общества с почти полным контрольным пакетом государства и вряд ли какие-то серьезные изменения от этого могут произойти. Денежная приватизация фактически не наступила, кроме малой приватизации, которая довольно интенсивна проходит только в 3 городах: Бресте, Гродно и Минске. Малая приватизация проводится с помощью международной финансовой корпорации, но сегодня уже довольно поздно этим заниматься, так как частные магазины, которые сразу создавались как частные, превышают объем торговли вновь приватизированных.

Несколько слов об экономическом законодательстве. Во-первых, оно плохого качества и несистемно из-за того, что парламент, который принимал эти законы, состоял из людей, которые не желали проводить реформы. И только благодаря тому, что что-то удалось списать из бывшего союзного законодательства, что-то из российского, были заложены основы для экономических реформ. Во-вторых, экономические законы не выполнялись по политическим мотивам. Правительство А.Лукашенко все заблокировало. Очень большую опасность представляют откровенные нарушения экономического законодательства, которые полностью связаны с той легкостью, с какой Президент решает экономические вопросы.

6 февраля прошлого года Президент потребовал прекратить регистрацию новых предприятий. Эта ситуация продолжалась несколько месяцев, сейчас идет перерегистрация. Формальным основанием для допуска к перерегистрации являются уплата налогов, прибыльность, деятельность в социальной области, а на самом деле критерием является хорошее отношение с местной администрацией. Естественно это не только под-

рывает экономику, но и плодит коррупцию. Нужно сказать о неэффективности нашего хозяйственного суда и хозяйственного процессуального кодекса. Хозяйственный суд, бывший арбитражный, имеет свой процессуальный кодекс, согласно которому спорные решения во второй инстанции пересматриваются единолично судьей, что приводит к массе нарушений и росту коррупции.

А. Конопляник

исполнительный директор Российского банка реконструкции и развития

Очевидно, что остановить экономический спад и перейти к фазе экономического роста можно только за счет осуществления всего спектра возможностей по привлечению инвестиций с внутреннего и внешнего рынка. Однако из трех существующих способов привлечения инвестиций (упрощенно: "под страну" - дефицитное финансирование, "под корпорацию" - корпоративное финансирование, "под проект" - проектное финансирование), Россия до недавних пор работала только на основе дефицитного финансирования (под суверенную гарантию принимающей страны). Корпоративное и проектное финансирование оставались для нее недоступными как в силу некорпоративной структуры российской экономики, так и вследствие неразвитости или полного отсутствия соответствующих разделов в отечественном законодательстве.

Приватизационные процессы положили начало формированию российского фондового рынка. "Программа приватизации" и подготавливаемые в ее развитие правовые нормативные документы образуют правовую базу передачи приватизируемого государственного имущества в собственность негосударственному инвестору. Принятие Гражданского кодекса РФ и постепенное формирование корпоративного законодательства не только создает правовые основы и повышает правовую стабильность процессов разгосударствления и приватизации, но и обеспечивает приток потенциальных инвесторов на рынок корпоративных ценных бумаг. Таким образом создаются правовые основы и экономические механизмы для осуществления корпоративного финансирования российской экономики.

Этот сегмент рынка инвестиций активно развивается при том, что инвесторы (как отечественные, так и иностранные) не очень охотно идут на российский рынок. И

если идут - то в основном на рынок ценных бумаг, а не на финансирование «реального» сектора российской экономики.

До недавнего времени были гораздо менее четко прописаны в законодательном плане вопросы передачи негосударственному инвестору во временное пользование той части государственной собственности, которая не подлежит приватизации. Некоторые вопросы вообще не были отражены в законодательстве, как например применение контрактного права при пользовании недрами.

Одним из возможных путей решения этой проблемы было предложение внедрить в практику хозяйствования в стране концессионные и иные договоры, посредством которых негосударственному инвестору предоставляется на срочной и возмездной основе право пользования имуществом (включая природные ресурсы), составляющее государственную и муниципальную собственность, а также право на осуществление деятельности, составляющей государственную монополию.

Указанные вопросы образуют сферу действия концессионного законодательства, основными элементами которого являются законы "О концессионных и иных договорах" (проект, одобрен Государственной Думой в первом чтении 03.04.96) и "О соглашениях о разделе продукции (СРП)" (принят и вступил в силу 11.01.96).

Снижение доходности операций с ГКО и другими краткосрочными финансовыми инструментами не приводит к автоматическому перетоку капиталов на рынок производственных инвестиций, поскольку между этими рынками отсутствует прямая конкуренция и на них действуют различные типы инвесторов. Поэтому капиталы продолжают вкладываться в основном в краткосрочные финансовые операции и/или вывозятся из страны.

В наиболее уязвимом для финансирования положении оказались самые долгосрочные и самые капиталоемкие проекты. Это - проекты в отраслях минерально-сырьевого комплекса. В частности - нефтегазовые проекты. В то же время они являются основным источником бюджетных и внешнеторговых поступлений страны (в 1996 г. треть доходов федерального бюджета и 45% экспорта получены за счет отраслей ТЭК).

Основным способом финансирования этих проектов в мире является проектное финансирование. Напомню: это - тип заемного финансирования отдельной хозяйственной единицы, в качестве которой выступает индивидуальный проект, а не корпорация, осуществляемая реализацию совокупности проектов. При этом кредитор рассматривает

доходы проекта как единственный источник обслуживания долга и выплаты его основной части.

Сложности, связанные с обеспечением заемного (банковского) финансирования, многократно возрастают по сравнению с принятием инвестором решений о вложении собственных средств в проект. Однако обычно, с целью минимизации и распределения рисков, инвесторы вкладывают в проект из собственных средств не более 10-15% необходимых инвестиций, как правило - на стадии поисково-разведочных работ. Остальную часть - привлекают из заемных источников. Банкам и финансовым учреждениям, предоставляющим заемное финансирование, необходимы первоклассные гарантии возврата предоставленных средств, поскольку им гораздо труднее принимать на себя кредитные риски, чем инвесторам, вкладывающим собственный рискованный капитал. При анализе кредитных рисков банки вынуждены основное внимание уделять негативным факторам, способным привести к неудаче проекта. По международному и национальному банковскому праву большинства государств существует предельный уровень рисков, которые кредитные учреждения вправе принять на себя при выделении фондов.

Сегодня международное банковское сообщество рассматривает финансовые риски в России как неприемлемые. Это печально, но это факт. Поэтому до сих пор проектное финансирование российских минерально-сырьевых и нефтегазовых проектов практически отсутствовало.

Одной из немногих форм кредита, осуществляемого на основе проектного финансирования в России, пока остаются займы со стороны международных финансовых организаций (МБРР, ЕБРР, МФК) и организаций экспортного кредитования промышленно развитых стран (Эксимбанки США, Японии). За этими займами, кроме традиционных форм «кредитной поддержки» (залоговое обеспечение, гарантии спонсоров проекта и др.), стоят гарантии государств-участников этих финансовых учреждений. Однако даже при таком «втором эшелоне» политической защиты, коммерческое кредитование крупных российских проектов на основе проектного финансирования оказывается незастрахованным от изменений российского инвестиционного климата. В результате дальнейшее финансирование этих проектов становится нерентабельным. Российские участники вынуждены отказываться от его продолжения, не видя возможности обеспечить возврат привлеченных средств. Примеры - отказ ряда российских нефтяных компаний от «невыбранной» ими части Первого нефтяного реабилитационного займа Ми-

рового Банка или рамочного соглашения с Эксимбанком США. И это при том, что займы Мирового Банка являются самыми дешевыми на мировом рынке.

Неблагоприятный инвестиционный климат закрывает путь капиталовложениям в отрасли, которые сегодня являются основой экономики, и которые могут и должны стать (особенно в связке с конверсируемыми отраслями ВПК) локомотивом экономического роста страны. Два основных признака такой «неблагоприятности»:

(а) отсутствие достаточной правовой стабильности при реализации долгосрочных инвестиционных проектов и

(б) фактически «запретительный» налоговый режим их реализации.

Основной целью при разработке законодательства о СРП было предложить механизм реализации долгосрочных инвестиционных проектов в минерально-сырьевых отраслях, который снизит совокупность рисков до уровня, обеспечивающего «финансируемость» таких проектов по международным банковским стандартам. Иначе говоря - необходимо было обеспечить необходимую правовую основу проектного финансирования российского минерально-сырьевого и нефтегазового комплекса, предложить типовые механизмы повышения правовой и налоговой стабильности в условиях, когда общий инвестиционный климат в стране продолжает оставаться неблагоприятным. То есть создать своего рода «очаги» или «зоны» нормальной - по международным стандартам - инвестиционной деятельности.

В первую очередь речь идет о применении норм гражданского права и рентных механизмов. Эти нормы и механизмы достаточно подробно описаны разработчиками этого законодательства в многочисленных статьях и книгах.

С принятием законодательства о СРП у инвесторов, наконец-то, появляется обоснованная надежда на стабильный правовой режим, обеспечивающий не временные льготы, а необходимые долгосрочные гарантии возврата вложенного в экономику России капитала. С другой стороны, у государства, наконец, появляется возможность выбрать достойного инвестора, который обладал бы всеми необходимыми финансовыми, технологическими возможностями, соответствующим опытом управления и т.п., необходимым для реализации того или иного конкретного проекта. В свою очередь инвестор может в соответствующем договоре не только зафиксировать достигнутые в ходе серьезных переговоров и устраивающие его коммерческие условия, но и гарантировать стабильность соблюдения этих условий на протяжении всего срока действия договора.

Принятие законодательства о СРП означает появление правовой возможности для государства не приказывать или указывать, а договариваться с инвестором, что заметно расширило бы возможности государства по хозяйственному маневрированию, позволило бы ему более рачительно распоряжаться своей не подлежащей приватизации собственностью, которая сегодня остается как бы вне зоны эффективного правового регулирования. Таким образом создаются правовые основы для осуществления широкомасштабного проектного финансирования российской экономики.

Мы создаем законодательство о СРП в первую очередь для себя, для отечественного производителя, для стимулирования экономического роста страны, а не для иностранных инвесторов (хотя и для них в том числе, поскольку рынок капиталов - рынок без границ).

Однако мы понимаем, что мировой рынок капиталов является на порядок более крупным, чем наш внутренний (и пока во многом - теневой) рынок капиталов. Иностранцы (точнее, мировой рынок) для нас не только потенциальный источник инвестиций, но и своего рода «лакмусовая бумажка». Пойдет иностранный капитал в российские проекты - постепенно прекратится и бегство отечественного капитала из страны (по некоторым оценкам - до 10 млрд.долл. в год против 3.5 млрд. иностранных инвестиций, пришедших в страну в 1996 г., из которых всего 1.5 млрд.долл. пришлось на прямые инвестиции, а 2 млрд. были вложены на рынке ценных бумаг).

Отечественный капитал готов и может работать в менее тепличных условиях, чем капитал иностранный. Однако никакой капитал нельзя заставить работать в невыгодных для него условиях. Поэтому бегство капитала из страны можно остановить не уговорами, не угрозами, не репрессиями, не возведением дополнительных барьеров, а созданием необходимых условий для устойчивой работы и получения прибыли на Родине.

При этом парадокс ситуации заключается в том, что чем выше гарантии стабильности и благоприятности осуществления инвестиционных проектов обеспечивает государство инвестору, тем выгоднее это в финансовом отношении самому государству, поскольку оно не оплачивает дополнительные риски инвестора.

Порожденные применением СРП очаги инвестиционной деятельности в минерально-сырьевых отраслях вызовут оживление деловой активности по всей «инвестиционной» цепочке - в смежных отраслях, в других регионах. В первую очередь - в находящихся на наиболее тощем инвестиционном пайке отраслях машиностроения и

бывшего ВПК. Еще два года назад мы приводили расчеты, что доходы российской стороны от реализации СРП по "машиностроительной» линии могут вдвое превысить аналогичные доходы по «нефтяной» линии. Оппоненты не верили (не хотели верить) или не понимали. Но вот конкретный практический пример.

Начал потихоньку (из-за отсутствия полноценного законодательства) функционировать проект «Сахалин-2». И первые доходы после бонусов подписания пошли не по нефтяной, а по машиностроительной линии. В прошлом году был заключен договор на 35 млн.долл. с Амурским судостроительным заводом. Еще добыча нефти не началась, а выгоды от проекта уже ощутили в соседней области, в смежной отрасли. И далее по цепочке: появилась возможность платить зарплату работникам (причем реально обеспеченными, а не эмиссионными деньгами), пошли отчисления в пенсионный фонд, налоговые поступления в бюджет. Завод оплатит электро- и теплоэнергию - у энергетиков появится возможность решать свои финансовые проблемы (та же зарплата, неплатежи и т.п.). В итоге, один запущенный нефтегазовый проект СРП на дальней окраине России может привести в действие механизмы хозяйственных связей по всей стране, стимулируя дальнейший экономический рост в различных отраслях множества других регионов.

Расчеты, выполненные КЕПС РАН и НСФ на примере шести проектов, показали, что применение СРП в нефтегазовой промышленности России характеризуется высоким мультипликативным эффектом. Было получено соотношение прироста ВВП к приросту инвестиций, равное 1.9. Это означает, что на 100 рублей инвестиций в проекты СРП, помимо прямого увеличения ВВП на 100 рублей, производится еще 90 рублей дополнительного дохода в сопряженных отраслях экономики. Для сравнения:

- для месторождений Норвегии величина мультипликатора составила 1.6-1.7;
- для Австралии - 1.8-2.4;
- для Мексиканского залива США - 2.1.

Высокое значение мультипликатора, полученное для нашей страны, обусловлено высокой долей российского компонента в затратной части указанных проектов, несмотря на то, что эти - первые проекты СРП в России - реализуются при активном участии иностранного капитала. Так, российская доля в совокупном спросе по шести проектам будет составлять:

- в капитальном строительстве - 56%;
- в эксплуатационных расходах - 80%;

- в транспортных услугах - 100%;
- в среднем - 72%.

Иначе говоря, из каждых 100 рублей затрат 72 рубля будет израсходовано в России.

Распределение полного дохода от реализации проектов будет следующим:

- доходы российского государства (как собственника недр) - 43%;
- доля негосударственного сектора России, включая российских инвесторов, участвующих в проектах, - 44%;
- доля зарубежных инвесторов - 7%;
- доля прочих зарубежных участников - 6%.

Таким образом, реализация заложенных в законодательство о СРП механизмов финансирования инвестиционных проектов, создающего правовую основу проектного финансирования минерально-сырьевых и сопряженных с ними отраслей, позволит активизировать инвестиционные процессы на российском рынке и внести свой весомый вклад в экономическую стабилизацию и пост-стабилизационное развитие страны.

С. Полоник

*начальник экономического управления Аппарата Кабинета Министров
Республики Беларусь*

Экономика республики испытывает проблемы в двух областях - платежного баланса и платежеспособности предприятий. Сложившийся дефицит является результатом длительного процесса ухудшения баланса внешней торговли, который начался с сентября 1994 г.

Важнейшей причиной подобной ситуации является постоянное завышение стоимости национальной валюты в результате сохранения фиксированного валютного курса в условиях продолжающейся внутренней инфляции. С декабря 1994 года затраты производителей удвоились, но экспортеры получали те же рублевые доходы от экспорта продукции. Удвоение внутренних цен на товары при сохранении цен на импортируемые товары снизило конкурентоспособность отечественной продукции и на внутреннем рынке.

Существует четыре возможных подхода к решению этой проблемы: внешние кредиты, регулирование покупки иностранной валюты и импорта товаров, введение пошлин на импорт и субсидирование экспортеров, снижение курса внутренней валюты.

Последствия реализации этих подходов также различны. Кредиты могут породить серьезные проблемы с обслуживанием долга в будущем. При отсутствии условий инвестиционной деятельности кредиты могут быть использованы на потребление, тем самым породят еще больше проблем.

Используемый в настоящее время подход для компенсации дефицита состоит в контроле за рынком валют. Национальный банк ограничивает свободный доступ к инвалюте, вынуждая продавать и одновременно ограничивая покупку. Однако это порождает инфляцию и углубляет проблему низкой конкурентоспособности экспорта. Кроме того любая контролируемая, а не саморегулируемая система, создает почву для коррупции.

Введение пошлин на импорт способно защитить наименее эффективных производителей, но ничего не дает для повышения рентабельности экспортных предприятий. Введение пошлин вызовет и рост цен, который ляжет на плечи потребителей, порождая социальную напряженность и усилит темпы инфляции.

То есть в сложившейся ситуации необходимо проводить политику, которая делает экспорт конкурентоспособным. Лучшим способом для этого является корректировка обменного курса. Распространение последствий изменения курса на весь импорт сведет к минимуму риск инфляции. Хотя полностью избежать ее вряд ли удастся. Об этом свидетельствует опыт работы в 1992-1996 гг.

При переходе к рыночной экономике Республика Беларусь, как и другие страны Центральной и Восточной Европы, столкнулась прежде всего с проблемой инфляции. В 1995 году по отношению к 1990 году индекс потребительских цен вырос на 50400 процентов. Самые высокие темпы инфляции были в 1993 и 1994 годах (1290-2321 процента). Нарастание инфляции характеризовалось скачкообразными повышениями. Падение темпов инфляции началось с мая 1995 года. Динамика изменения сводного индекса цен на различные товары и услуги в 1991-1995 гг. отмечалась широким диапазоном.

Наиболее высокими темпами рос индекс цен на продукты питания. Это было связано прежде всего с либерализацией цен и отменой потребительских дотаций на продукты питания. Резко снизились реальные доходы населения, уменьшилась покупательная способность, изменилась структура потребительских расходов, снизилось потребление многих продуктов питания. Инфляционные процессы привели к снижению реальной покупательной способности заработной платы. В 1995 году население использовало на питание 62 процента от всех потребительских расходов.

По сравнению с 1990 годом уменьшилось потребление в среднем (на члена семьи в год) мяса и мясопродуктов (на 32,8 кг), молока и молочных продуктов (на 6 кг), фруктов и ягод (на 16,1 кг). Появились малоимущие, бедные слои населения. Произошла поляризация общества по доходам. Доходы населения резко дифференцировались. Данные статистических наблюдений домашних хозяйств показывают, что децильный коэффициент дифференциации доходов (отношение среднего располагаемого денежного дохода 10% наиболее бедного населения) постоянно растет: с 3 раз в 1990 г. до 8 раз в 1995 г.).

Происходило снижение по всем основным макроэкономическим показателям. Снижение объемов производства, выразившееся в сокращении ВВП в 1995 г. по сравнению с 1990 г. на 37%, обусловлено уменьшением на 41 % выпуска промышленной продукции. на 26% сокращением производства продукции сельского хозяйства. Капитальные вложения за счет всех источников финансирования в 1995 г. уменьшились по сравнению с 1990 г. на 64%.

О высоких темпах инфляции свидетельствует прежде всего сравнение дефляторов ВВП, отражающих совокупный среднегодовой рост цен и составивших: в 1991 г. - 203%, в 1992 г. - 1176%, в 1993 г. - 1197%, в 1994 г. - 2067%, в 1995 г. - 746%. Хотя и удалось отчасти стабилизировать белорусский рубль, благодаря ряду мер, принятых правительством и Национальным банком (либерализация валютного рынка и улучшение внешнеэкономической деятельности), но эту тенденцию нельзя признать устойчивой, ибо сохраняются глубинные причины падения курса. К таковым относятся прежде всего неблагоприятный торговый и платежный баланс. В 1995 г. дефицит внешней торговли составил 6588 млрд. рублей (432 млн. долларов США по средневзвешенному курсу Национального банка за 1996 год). Отрицательный торговый баланс сохраняется главным образом из-за дефицита внешней торговли с Россией.

Доходы государственного бюджета составляли в 1995 г. 30% от ВВП (в 1990г. - 35,8%). Дефицит государственного бюджета в 1995 г. уменьшился и составил 2,6% от ВВП, против 3,4% - в 1994 г.

В этой связи отметим следующие предпосылки и структурно-воспроизводственные причины инфляции, которые были заложены в самой структуре экономики республики. В 1990 г. в отраслях тяжелой промышленности было сконцентрировано более 80% стоимости основных производственных фондов, на долю пищевой промышленности приходилось только 6,2% основных производственных фондов,

на долю легкой промышленности - 7,4%. К этому следует добавить неразвитость сферы услуг. Здесь работало лишь 4,7% занятого населения. Следует также отметить высокую степень милитаризации экономики. Беларусь содержала армию, в которой 1 солдат приходится на 43 человека, что также отвлекало значительную часть средств от потребления. Причем в период с 1981-1991 гг. среднегодовой прирост с.х. производства составлял лишь 0,5%, а ежегодный прирост населения - 0,65%.

По оценочным данным, потребительская корзина в начале 90-х гг. на 80% состояла из дефицитных товаров, а за дефицитную продукцию нужно было переплачивать, что являлось предпосылкой роста инфляции.

К началу экономических реформ инфляция существовала в скрытом виде. Либерализация цен в январе 1992 года превратила скрытую инфляцию в открытую.

Политика финансовой стабилизации, проводимая в начале 1995 г., фиксирование валютного курса, рестрикционные мероприятия в сфере валютных операций хозяйствующих субъектов обусловили ограничение фактора внешней инфляции. Но в 1995 г. вновь обострились проблемы издержек и конкурентоспособности белорусских предприятий, являющихся в основном экспортоориентированными.

Обесценивание доллара в течение года в промышленном секторе республики (более чем в два раза) заметно снизило конкурентоспособность белорусских товаров на внешних рынках.

На основе принятия ряда административных мер исполнительной власти и жесткой монетарной политики Национального банка удалось временно стабилизировать денежную систему, снизить темпы инфляции до 3-4% в месяц (в течение 1995 г.), остановить падение курса белорусского рубля, изменить правила поведения банков и других финансовых посредников, предприятий и населения. Центральным ядром кредитно-денежной политики, проводимой в республике явилась стабилизация курса белорусского рубля. Для этого были предприняты следующие меры: запрещена торговля за инвалюту; банкам ужесточены правила резервирования (расширена валютная база резервирования); банкам запрещено формировать уставной фонд в инвалюте; увеличена доходность от рублевых вкладов путем введения принудительных депозитных ставок; уменьшен приток безресурсной кредитной эмиссии в экономику и др.

Стабилизация курса явилась тормозом инфляционных процессов на краткосрочных и среднесрочных периодах. Однако она не в состоянии была ликвидировать причины инфляции. В мировой практике осуществление политики стабилизации валютно-

го курса. как правило, следует вместе или за подавлением инфляции. Девальвация белорусского рубля по внутренним товарным ценам и завышенная цена по отношению к доллару создают ситуацию, чреватую цепным финансовым кризисом. Такое положение в долгосрочном плане накапливает потенциал “взрывной инфляции”, который можно избежать планомерно девальвируя рубль в соответствии с инфляционным процессом.

Значимым фактором торможения инфляции, по сравнению с фиксацией валютного курса, явились ужесточение кредитно-денежной политики Национального банка, применение положительных процентных ставок, соотносимых с темпами инфляции, ограничение безресурсной эмиссии денег, сокращение рефинансирования бывших крупных государственных банков. В республике впервые произведена ограниченная санация экономики, коснувшаяся немонополизированных структур финансовой и торгово-посреднических сфер деятельности. Ужесточение системы ответственности хозяйствующих субъектов за использование заемных средств сыграло определенную роль в ограничении кредитной экспансии. Это позволило ограничить эмиссию денег.

Вслед за этим Национальным банком была принята новая концепция рефинансирования, предусматривающая отказ от кредитов рефинансирования в пользу продажи ресурсов через кредитные аукционы. Более половины кредитных ресурсов за 1995 годы было продано через аукционы, но такие банки как Белагропромбанк, Беларусьбанк, Белинвест банк сохраняют свое исключительное положение и наращивают давление на Национальный банк по возобновлению финансирования, получению льготных кредитов и бюджетных дотаций. Действующие ставки рефинансирования продолжают устанавливаться административно, отличаются от реально действующих процентных ставок и часто применяются избирательно. Часто связи между ставкой рефинансирования и ставкой по кредитам отдельных отраслей народного хозяйства искажены бюджетными дотациями. Такая нерыночная практика и проблема покрытия убытков Национального банка от невозврата ему кредитов со стороны некоторых специализированных банков, в конечном счете проявляется в росте дефицита госбюджета и безресурсной эмиссии.

Важным моментом в проведении кредитно-денежной политики государства явились операции Национального банка с государственными краткосрочными облигациями (ГКО). В 1995 г. положительное сальдо выпуска ГКО покрыло 13,5% бюджетного дефицита.

В 1996 году бюджетно-финансовая политика в республике не претерпела существенных изменений. Продолжалось усиление налогового пресса. Попытки корректировки налогообложения вылились в незначительное перераспределение налогов между хозяйствующими субъектами. Сохранились тенденции к росту государственных расходов. Все это противодействовало монетарным мероприятиям Национального банка.

Серьезной проблемой для экономики остается оплата внешних и внутренних долгов. Правительство республики, не имея возможности решить эту проблему налоговыми методами и игнорируя метод выпуска внутренних займов избрало путь дополнительной эмиссии денежных средств. Национальный банк решает проблему пополнения валютных резервов государства посредством эмиссии рублей и покупки за них СКВ. Чрезмерное увлечение подобной политикой “монетаризации дефицита” постепенно становится потенциально мощным генератором инфляции.

На уровне национальной экономики инфляционный рост цен дестабилизирует воспроизводственные процессы.

Перебои в поступлении денег срывают расчеты с рабочими и служащими. Задолженность по заработной плате на предприятиях республики составляла на начало 1996 года около 1 трлн. рублей. В числе должников было более 40% всех субъектов хозяйствования. Число убыточных предприятий в начале 1996 г. превысило полторы тысячи, или 17,9% общего состава. В промышленности с убытками работали 192 предприятия (11,6%).

Следует отметить, что большинство предприятий в два - три раза превышают нормы расхода сырья, материалов и энергии на единицу продукции или на 1 доллар ВВП в сравнении с мировыми стандартами. Затраты не снижаются, качество продукции улучшается незначительно, поскольку в республике продолжается практика гарантированной поддержки производителей, осуществляемая часто без анализа целесообразности сохранения той или иной продукции. При таком отношении к эффективности отечественная промышленность находится под угрозой потери не только внешних рынков сбыта, но и внутреннего.

Инфляция издержек при существующем уровне совокупного спроса вызывает сокращение реального объема продукции. За период с 1990 г. по 1995 г. реальный ВВП уменьшился на 37%, в том числе в 1995 г. - на 9,6% по сравнению с 1994 г. В ценах 1990 г. он составил в 1995 г. 2,7 млрд. руб. В расчете на душу населения ВВП произведено на 2272 доллара США (учет по методике ООН), что относит Беларусь к группе

стран с уровнем дохода ниже среднего. (В Финляндии - 18970 долларов, в Швеции - 24830, в Швейцарии - 36410).

В этот же период с 1990 до конца 1995 г. денежная масса увеличивалась с 3,3 млрд. руб. до 15,5 трлн. руб., то есть в 4,7 тыс. раз. Если в 1990 г. на рубль реального ВВП приходилось 0,77 совокупной денежной массы, то в 1995 г. этот показатель был равен 5,7 тыс. рублей, или увеличился в 7,5 тысяч раз. Рост денежной массы за это время - в 4,7 тысяч раз и обеспечил рост цен в 60 тысяч раз. В 1995 г. денежная масса увеличилась в 2,3 раза (среднемесячный темп ее прироста 7,2%). Цены выросли в 3,4 раза (среднемесячный темп прироста индекса цен - 10,7%).

Реальный ВВП в 1995 г. по отношению к 1989 г. составил всего 54%.

В сложившихся условиях очень опасным экономическим и политическим следствием инфляции является нарушение внешнеэкономического равновесия. В бывшем Союзе, республика, создавая не менее 4% общего объема конечного продукта, давала 1\10 всего межреспубликанского вывоза. Другим республикам Беларусь поставляла почти 1\4 часть всего произведенного в ней общественного продукта. По доле межреспубликанского ввоза в общем объеме потребляемых ресурсов она находилась примерно на уровне других республик, за исключением России и Украины. Теперь экономика республики ориентирована на ввоз сырья и вывоз готовой продукции. Ежегодно Беларусь должна ввозить 10 млн. тонн нефти, 14 млрд. куб. метров газа и платить соответственно свыше 1,6 млрд. долларов США. Из сельскохозяйственной продукции республике ежегодно необходимо ввезти не менее 1 млн. тонн продовольственного и фуражного зерна, 200 тыс. тонн сахара, 60 тыс. тонн растительного масла, 50 тыс. тонн рыбной продукции.

Источником оплаты этого может быть выручка от экспорта. Отрицательное сальдо внешнеторгового оборота характерно для внешней торговли Беларуси уже с 1992 года (по странам СНГ) и с 1993 г. по общему объему. Отрицательное сальдо внешней торговли в 1994 г. равнялось 556 млн. долларов, а в 1995 г. - 500 млн. долларов. Финансирование чистого импорта осуществлялось за счет притока иностранного капитала в виде долгосрочных кредитов, получаемых под гарантию правительства, и чистой кредиторской задолженности наших предприятий своим партнерам.

Внешний долг на 1 января 1996 г. составил, по официальным данным, 1502 млн. долларов США, по другим источникам, к концу января этот долг составил 2085 млн. долларов. Растущая внешнеэкономическая зависимость республики выражается в воз-

растающих выплатах по обслуживанию и погашению кредитов, полученных под государственные программы и под гарантии правительства.

В сложившихся условиях подрывается экспортный потенциал республики, чему способствует и стабилизация рубля: конкурентоспособность экспортеров снижается и стимулируется импорт товаров. Ввозя относительно дешевые товары и продавая их, выгодно стало размещать деньги на депозитах. Многие белорусские товары уже не в состоянии конкурировать с импортными ни по цене, ни по качеству.

Разработка стабилизационных мер в рамках бюджетной, внешнеторговой, финансовой и производственной политики показала, что глобальный социально-экономический кризис, поразивший экономику республики, не позволяет для борьбы с инфляцией в условиях республики использовать традиционный набор мер антиинфляционной политики. В условиях stagflationной ловушки ни монетарные, ни кейнсианские рецепты сами по себе не дают желаемого эффекта.

При выработке мер в западной экономической литературе широко используется инструментальные подходы к изучению инфляционных процессы. Они основываются на комплексном анализе и учете изменений денежной базы, денежных агрегатов, скорости обращения и иных параметров финансовой сферы. Для государств с развитой рыночной экономикой и годовой инфляцией в 3% этот аппарат работает хорошо. Но, как показала практика, если инфляция составляет 300% в год это проблематично.

Низкая инфляция станет возможной, только тогда, когда будет улучшена ситуация с бюджетной, внешнеторговой, финансовой, производственной, инвестиционной и платежной сферах.

Значимым направлением антиинфляционного воздействия является устранение дефицита государственного бюджета, ликвидация отрицательного сальдо торгового баланса, изменение денежно-кредитной политики Национального банка, формирование конкурентной рыночной Среды, то есть формирование различных рынков с соответствующей инфраструктурой.

Кроме того, рекомендуется создать надежный механизм, поддерживающий и стимулирующий инвестиционную деятельность, точнее инвестиционный спрос. Акцент необходимо делать на смене механизмов ответственности. Для создания эффективного мотивационного механизма у субъектов хозяйствования рекомендуется использовать имущественную, а не административную ответственность. Это возможно лишь при

проведении институциональных преобразований: приватизации, задействовании процедур банкротства, активизации фондового рынка.

В свою очередь, финансовая стабилизация еще не является гарантией автоматического экономического подъема и повышения национальной конкурентоспособности. При отсутствии ясной структурной политики и средств ее обеспечения государством, ориентация на использование только рыночных регуляторов, в том числе валютного курса, может иметь следствием консервацию утяжеленной структуры производства. Поэтому макроэкономическую политику переходного периода рекомендуется ориентировать не только на обеспечение равновесия денежной массы, предложения товаров и услуг и цен на товары, но и на стимулирование развития производств, располагающих конкурентными преимуществами. Только использование таких преимуществ позволяет поддерживать стабильный экономический рост, достаточный уровень занятости и повышение жизненного уровня населения. А само по себе достижение равновесия в финансовой сфере еще не обеспечивает решение проблемы выхода экономики на траекторию роста. Прямая связь между инфляцией и курсом в целом сильнее, чем обратная. Поэтому политика фиксированного курса более предпочтительная при минимизированных темпах инфляции. При неподавленном росте цен фиксация курса вызывает необходимость периодического снижения его официального уровня, и намечаемый переход от “валютного коридора” к центральному курсу с фиксированным диапазоном отклонений этой необходимости не устранил.

Для стабилизации положения рекомендуется принимать меры, направленные на повышение производительности и конкурентоспособности белорусских предприятий на мировых рынках. С этой целью проводится реформирование предприятий, которое включает:

- реструктуризацию предприятий, в том числе и с помощью иностранных инвестиций;

- создание программы социальной защиты, включающей страхование по безработице;

- стимулирование развития малого и среднего бизнеса;

- приватизацию большинства предприятий.

Поскольку приватизация, особенно больших и градообразующих предприятий не может быть осуществлена немедленно, рекомендуется придать высокий приоритет

быстрому завершению малой приватизации как наилучшему средству предотвращения безработицы и социальной напряженности в течение периода стабилизации.

А. Нецадин

заместитель директора Экспертного института

Мы все не плохо помним политику СССР в области идеологии, направленную на сближение регионов, города и деревни. Либерализация, которая началась в 1991 г., в значительной мере подразумевала, что федеральное государство перестало делать две вещи.

Во-первых, оплачивать предприятиям неэкономические расходы: имеется в виду, что ряд предприятий были созданы из идейных соображений образования рабочего класса, выравнивания занятости населения. Решались также задачи интеграции в рамках СЭВ, не подкрепленные реальной экономической базой. Кроме того, пропагандистская политическая работа, которую проводили предприятия, связанная с наличием клубов, дворцов культуры, жилья и т.д.

Во-вторых, при ликвидации отраслевых министерств все вопросы содержания инфраструктуры, регулирования цен и ряд других расходов легли на плечи региональных властей, к чему они были совершенно не готовы. В этой ситуации каждый регион начал проводить свою политику. Начиная от противодействия центральным властям и заканчивая выпрашиванием определенных субсидий от центральных властей за поддержку реформирования. Через некоторое время, набравшись опыта, регионы начали проводить самостоятельную политику и происходит четкий процесс децентрализации и перехода власти на региональный уровень. Мы предполагали, что все регионы должны были пройти через кризис, который проходит вся Россия. Но каждый регион имеет свои возможности для компенсации этого кризиса, либо не имеет вообще. Если это районы сырьевые, то их компенсатором было наличие сырья на экспорт, которое дало

возможность более мягко преодолеть кризис. Те регионы, которые имели полную независимость по сельскохозяйственной продукции и устойчивый аграрный сектор, как Ульяновская область, Белгородская область, пошли на систему сдерживания цен. Часть регионов пошли по пути получения инвестиций и быстрой реконструкции предприятий. Это Нижний Новгород и некоторые другие регионы, которые стали реформы форсировать. Сегодня мы имеем порядка 9 моделей поведения регионов, которые зависят от местоположения, образовательного уровня и т.д. Политика, проводимая регионами иногда совпадает, а иногда противоречит федеральной политике. Основная беда для регионов заключалась в том, что губернаторы назначались. В этом регионы не были уравнены в правах с республиками. Те выборы, которые сейчас проходят в регионах создают совершенно другую систему взаимоотношения властей. В руках у федеральных властей практически остался только один инструмент - денежные трансферты. Если учесть состояние бюджета, то легко увидеть, что этот инструмент слишком ненадежен. При этом регионов, которые считаются донорами 6-7, а остальные 80 с лишним в том или ином виде получают федеральную помощь. Причем ее масштабы колеблются в размере от 70% бюджета областей до 10-15%.

Разделение регионов стало абсолютно ясным. Если уровень бедности и прожиточный минимум в Ульяновской обл. 300 тыс., то в Магадане он около 2 млн.руб. Разрывы огромны, и они создаются выбором той или иной экономической политики. Только сейчас области начали разрабатывать и проводить свои собственные экономические политики, когда обозначились правила игры и поведения. Сейчас уже определяются несколько внутренних рынков России. Железнодорожные тарифы, тарифы на энергоносители приведут к тому, что чем ниже наукоемкость товара, чем она ближе к сырью, тем меньше получается плечо для ее перевозки. Практически перевозка красно-

ярского леса равна его себестоимости. Стоимость доставки зерна из Краснодара до Тюмени, превышает стоимость товара.

С другой стороны образовались банковские, финансовые и спросовые центры, те центры, где уровень жизни населения гораздо выше, и которые могут быть потребителями продукции близлежащих отраслей. Появляются области-захватчики. Таким образом имеет место диктат одних областей другим близлежащим. Например, очень четко видна позиция Санкт-Петербурга, который начинает вести захватническую политику по отношению к Вологде, Новгороду, Пскову. В этих регионах банковского капитала практически нет, возможностей для инвестиций и роста нет, и спрос сконцентрирован только в С.-Петербурге. Примерно такую же роль играет Свердловская область по отношению к Тюмени, которая несмотря на довольно большой спрос от нефтяных предприятий, банковскими капиталами не обладает, ее основные банковские капиталы находятся в Москве. Свердловск область имеет свой большой банковский капитал и этот регион будет скоро выглядеть как собственно Свердловская обл., Челябинская, Тюменская, Курганская области и район Перми. Начинает образовываться такой же конгломерат в Самаре. Пользуясь мощным производственным и банковским капиталом Самара начинает захватывать области. И сейчас начинает это проявляться в Краснодаре. Мы очень скоро столкнемся с так называем полуправительством, которое будет очень активно участвовать в выборе той или иной экономической политики. У регионов возможности настолько огромны, что федеральным властям они даже и не снились. И это практически в любой области. В результате выборности поведение губернаторов станет более агрессивным. Мы только говорим об угрозе национализации, а она уже идет. Мэр Лужков приобрел ЗИЛ, скоро москвичи приобретут АЗЛК. В городах этот процесс уже готов начаться. Отличным оружием для этого большинство губернаторов и мэров считает закон о банкротстве. Это самый великолепный путь национализиро-

вать собственность бесплатно. Я не думаю, что федеральное правительство сможет как-то повлиять на эти процессы. Правила игры изменились. Будет ли это представлять угрозу для целостности всей России? Не думаю. Губернаторов, желающих брать на содержание армию, границы и т.д. - нет.

Теперь о бюрократии. Бюрократизации не происходит. Когда государь не мог прокормить своих воевод, он им отдавал те или иные вотчины на кормление. Например, о кормлении ГАИ и таможни говорить вообще неприлично, это знают все. Первого в государственной политике на кормление отпустили Госкомимущества, который от прибыльных предприятий получал столько же средств, сколько и федеральный бюджет. Теперь границу отдаем на кормление пограничным войскам. Говорить надо не о бюрократизации, а о возвращении к системе кормления. То, что А.Нечаев назвал кормушкой. Только он имел ввиду ту, которая переезжала между полугосударственными и полукommerческими фирмами, а это просто большая государственная переезжающая кормушка. И когда нам говорят, что мы должны переложить социальные расходы на население, то этот процесс уже идет. В одной из областей все женщины приходят в роддом со своими постельными принадлежностями, своими лекарствами и платят добровольный взнос в фонд развития роддома в размере 150 тыс.руб. И если в декабре преподаватели ВУЗов Москвы не получили зарплату, то я ожидаю, что студенты будут платить либо за экзамены, либо за дополнительные лекции. Я не удивлюсь, если в скором времени мы переведем в кормление ПВО - армию содержать надо.

А. Лавров

Советник информационно-аналитического отдела территориального управления Администрации Президента РФ

Среди стран СНГ Россия единственная уцелевшая федерация. Поэтому при оценке хода реформ и их перспектив нужна серьезная поправка на наш федерализм. Российская государственность сегодня в значительной мере находится в субъектах Федерации, а вовсе не в Москве. Эти государства проводят свою специфическую политику. И очень часто результаты этой политики имеют мало общего с тем, что хотело бы сделать федеральное правительство.

Например, приватизация. Процесс национализации набирает силу в регионах, и губернаторы вне зависимости от их политической окраски пытаются подмять под себя те или иные предприятия. Процесс прихода к власти сильных хозяйственников и, к сожалению, слабых политиков только усилит эту тенденцию.

Либерализация цен. На федеральном уровне она ограничена естественными монополиями. Если взять областной центр, там регулируются 50-60% цен на товары и услуги, в том числе вся потребительская корзина из 19 наименований. А есть регионы, которые далеко выходят и за эти рамки. Возьмите Орловскую область. Госкомстат регистрирует цены на 250 видов товаров и услуг, а там регулируется 197. Есть регионы, которые отличаются особой склонностью к такого рода деятельности. Например, Ульяновская обл., Хабаровский край, Амурская обл.

Сокращение субсидий экономики. Почти все субсидии оказались сосредоточены в регионах. В 1995 г. только прямые дотации и субсидии составляют четверть расходов субъектов Федерации, 4,5% ВВП. Половина этих средств - дотации и субсидии жилищно-коммунальному хозяйству. Настораживает, что проведение коммунальной реформы страшно неравномерно по территории страны. В Самарской области, по заявлению властей, достигнут уровень 60% оплаты коммунальных услуг непосредственно населением, а в Воронежской только 30%. Самое тревожное, что федеральные власти пустили процесс на самотек, и трудно добиться полной картины происходящего в этой сфере -

ни кто ничего не знает. Есть также огромное количество и чисто производственных субсидий. Например, сельское хозяйство, которое региональные власти очень любят поддерживать. Может быть эта поддержка оправдана, но почему возникают такие огромные различия в размерах субсидий, которые составляют 20-25 раз в пересчете на рубль продукции сельскохозяйственных предприятий. Сравним Самарскую область и Ульяновскую. На 100 руб. продукции в сельскохозяйственных предприятиях Самарской области приходится 1.5 рубля бюджетных субсидий, в Ульяновской области на ту же сумму 11 рублей субсидий, в 7 раз больше. Такая ситуация обусловлена в значительной степени действующей системой трансфертов из федерального бюджета, который не имеет целевого характера и не известно на что расходуются. По расчетам специалистов Мирового банка оказалось, что каждый дополнительный рубль трансфертов регионам приводит к росту всякого рода дотаций на 40 коп. Таким образом предоставляя региону финансовую помощь, мы консервируем сложившуюся ситуацию на местах.

Далее свобода торговли. Сегодня мы оказались на волне роста регионального протекционизма, возведения всякого рода барьеров на пути продвижения товаров. Если до 1992 г. региональные власти пытались ограничить вывоз продукции, то теперь они пытаются ограничить ввоз, с целью защитить своих товаропроизводителей. В стране идет настоящая водочная война между регионами. В каждом регионе есть дополнительные налоги, квоты, сборы на ввоз алкогольной продукции. Их, конечно, можно понять, в этой сфере много безобразия, но при этом нарушается ст. 74 Конституции, которая прямо запрещает введение любых экономических барьеров для продвижения товаров. Это опасный прецедент, так как это признаки возведения более мощных барьеров в дальнейшем. В Белгородской, Свердловской и Орловской областях уже законодательно установлены сборы на ввоз продовольствия. Еще дальше пошла Мордовия - там

введен налог с продаж, которым облагаются любые подакцизные товары, ввозимые на территорию этой республики. Есть такие планы и у законодателей Смоленской области, Краснодарского края. Признаки финансовой стабилизации, достигнутой на федеральном уровне сопровождаются неким хаосом в региональных финансах. На всем этом фоне злой насмешкой выглядит ситуация со сбором налогов.

Может быть, если бы регионы не имели возможности проводить свою собственную политику было бы хуже, но региональная политика регионов должна быть однонаправлена. Что же можно сделать в этой сфере?

Во-первых, наладить нормальный экономический мониторинг субъектов Федерации. До сих пор никто не знает, где идут реформы быстрее, где медленнее.

Во-вторых, нужно воспользоваться теми правовыми рычагами, которые уже есть у федерального правительства. Есть 239 Постановление, которое упорядочивает регулирование цен, в котором п.5, гласит: “Те регионы, которые получают федеральную помощь, обязаны согласовывать свои решения по регулированию цен с Министерством экономики и Министерством финансов”. До сих пор никто не позаботился о том, чтобы под этот пункт был разработан реальный механизм выполнения. В прошлом году в Законе “О федеральном бюджете” была статья 28, которая предусматривала возможность трансфертов из регионов, если они выходят за пределы субсидированной экономики в предоставлении льгот и дотаций. Эта статья не сработала, так как никто не подумал, как ее претворить в жизнь. У нас есть Конституционный суд, о котором тоже не следует забывать. И самый мощный рычаг воздействия на регионы - это финансовая помощь. В любой федерации центр имеет полное право воздействовать на бюджетную политику субъектов федерации с помощью этого механизма. Тем более это необходимо в условиях переходного периода. Но для этого необходимо перейти к новому этапу реформы межбюджетных отношений. На мой взгляд, нужно вместо безликого фонда финансовой

поддержки создать как минимум три фонда. Фонд выравнивания, который предоставлял бы средства ограниченному кругу совсем уже бедных регионов, фонд субвенций - целевая финансовая помощь с жесткими процедурами контроля за использованием средств и фонд регионального развития для поддержки инвестиционных проектов. И завершающий штрих к этой системе - специальный фонд, доступ к которому могли бы иметь регионы, проводящие экономическую политику, соответствующую определенным критериям.

К сожалению, в последние годы отношение к региональной политике пренебрежительное. Во всех правительственных программах ей отводится определенный раздел, но почти ничего не делается. Беда в том, что мы пытаемся имитировать классическую региональную политику развитых стран с их традиционным выравниванием, социальной поддержкой и т.д. Но на это сейчас нет денег. И если бы они и были, то отдачу мы получили бы только через пять лет, поэтому внимания этому никто не уделяет. На данный момент более действенной является реформостимулирующая региональная политика, которая состоит в том, чтобы оказывать воздействие через определенные механизмы на политику, которую проводят регионы. Я уверен, что результаты этой политики могут быть достигнуты в течение года, и не нужно ждать пять лет.

С. Марков

старший научный сотрудник Фонда Карнеги

Я хотел бы напомнить, что политическую поддержку реформы в России получили авансом. Это была своеобразная реакция на кризис коммунистической модели общества. В этом смысле многие социальные группы в какой-то степени действовали вопреки своим экономическим интересам. Классический пример - позиция шахтеров и части ВПК в Зеленограде. Совершенно очевидно, что в случае рыночных трансформа-

ции, они становятся одной из первых жертв перестройки, но, тем не менее, эти отряды были ведущими в политической поддержке реформ. Кризис возник в 1992 г. после того, как начали проявляться первые негативные последствия реформ, в частности - падение уровня потребления. В дальнейшем происходило политическое развитие противников реформ. Можно говорить о двух фундаментальных основах противников реформирования: прежде всего отсутствие экономического роста и чувство национальной ущемленности, как результат распада советской государственности. К настоящему времени до 75% населения на вопросы о значительном снижении уровня потребления отвечают, что они не видят перспектив для улучшения своей жизни и испытывают чувство неудовлетворенности от происходящего.

Тем не менее оппозиция потерпела поражение на президентских выборах в 1996 г. и ряд крупных поражений во время губернаторских кампаний. Может ли оппозиция, имея официальную поддержку 75% населения, получить адекватное политическое представительство, т.е. прийти к власти?

Среди причин поражения оппозиции хотелось бы выделить следующее: Во-первых, в публичной политике пока еще не произошло перехода от политики идей к политике интересов. Интересы зачастую противоречивы, классический пример - менеджер предприятия ВПК. С одной стороны, он - менеджер и заинтересован в интервенционистской политике, в державнической внешней политике и т.д. С другой стороны, он создал фирму, которая извлекает прибыль, занимаясь спонтанной приватизацией, распродажей, не платя никаких налогов. С этой стороны менеджер заинтересован в том, чтобы государство оставалось слабым, а экономическая политика была либеральной в отношении малого и среднего бизнеса. В такой противоречивой ситуации находятся 10 млн людей. Во-вторых, интересы не артикулированы, т.е. не сформулированы. В-третьих, не происходит агрегирования интересов. В-четвертых, эти интересы не

сформулированы в адекватной для публичной политики форме, т.е. в форме идеологии. То что оппозиция называет идеологией является достаточно эклектическим набором идей. Оппозиция не смогла сформулировать внятную программу реформ. Например, существует несколько вариантов программы КПРФ, которые внутренне во многом противоречивы и часто не профессиональны с экономической точки зрения. Отставной генерал А.Лебедь шел на выборы с двумя экономическими программами, которые были написаны экономистами прямо противоположной ориентации.

Надо отметить и интеллектуальную слабость оппозиции, что имеет ряд причин:

1. Интеллектуалы, связанные с оппозицией практически оторваны от какой-либо традиции. Они не могут воспользоваться классической русской традицией, т.к. изменился спектр проблем. Советской традиции практически не существует, а в западной они не могут найти подходящих вариантов в виду своей резкой антизападной позиции. Кроме того, они не имеют финансовой поддержки. Примерно два-три года назад начался процесс перетекания интеллектуалов в стан оппозиции, который к настоящему времени приостановился. Назову конкретный пример, с которым столкнулся неделю назад. У нас на отделении политологии философского факультета МГУ состоялось годовое собрание преподавателей факультета. Выступил декан с докладом об итогах работы за год. И он, сам не веря своим словам, сказал, что за 1996 г. преподавателями факультета было опубликовано книг и статей не только больше, чем в 1992-1993 гг., когда резко было увеличено финансирование, но и примерно в 5 раз больше, чем в средние брежневские годы. Это означает, что происходит адаптация академической науки независимо от политических ориентаций.

Еще одна причина поражения оппозиции в том, что хотя она и составляет большинство, но это пассивное и слабое большинство, в то время как на стороне реформ оказывается наиболее мобильная, активная, сильная и смелая часть общества. Кроме

того, на стороне противников реформ почти не оказалось молодежи, так как она сформировалась уже в рамках западноориентированной массовой культуры. В результате оказалось, что оппозиция в глазах населения не связывается с будущим. В результате мы имеем парадоксальную ситуацию, когда, пытаясь иметь защитников, население голосует за оппозицию на парламентских выборах, для того, чтобы там было побольше коммунистов и они давили на правительство с требованием не снижать пенсии. А с другой стороны, население отказалось дать карт-бланш оппозиции на правление страной, не связывая свое будущее с оппозицией. Кроме того, следует отметить, что оппозиция слаба и в финансовом отношении, так как она представляет интересы депрессивных секторов экономики. В связи с этим, традиционное противостояние оппозиции реформам не имеет шансов на успех. Сами лидеры оппозиции поняли это и сейчас мы видим изменение их стратегии. Руководство оппозиции взяло курс на встраивание в структуру власти. Например, во время региональных выборов. Вы знаете как по-разному руководители оппозиции и Кремль воспринимают результаты губернаторских выборов. Одни считают, что итоги выборов говорят об их победе, другие что в их. На самом деле примерно две трети избранных губернаторов приемлемы для той и другой стороны. Идет стремительное стирание различий между оппозицией и правительственной стратегией. Прежняя тактика оппозиции противодействия проходящим реформам провалилась, выбран новый стратегический курс.

Что в этих новых условиях может представлять опасность? 1. Безработица среди молодежи, которая способна не только дать оппозиции социально-активную часть населения, но и придать ей элемент будущего. 2. Стихийные волнения, которые могут сформировать жизнеспособные организации по типу “Солидарности” в Польше. 3. Формирование новой идеологии. Деятельность, которой Г.Зюганов уделяет самое первостепенное значение. Таким образом реформам практически не грозит политическое

поражение извне, а только изнутри как итог деятельности правительства: это рост огосударствления и снижение конкуренции.

Д. Орешкин

руководитель аналитического центра “Меркатор”

У меня скромная задача обратить внимание на некоторые особенности выборов в стране, на которые, возможно, не обратили внимание некоторые аналитики и средства массовой информации.

1. Простые попытки сопоставить уровень экономического развития, душевой доход и прочие экономические параметры с результатами голосования - непродуктивная политика. Это не значит, что связи нет, она есть, но не выше, чем связь между душевым потреблением водки и уровнем преступности. Связь экономики с результатами выборов существует, но на более глубоком уровне. В качестве примера приведу Краснодарский край - знаменитую “красную зону”. Если анализировать по районам результаты голосования, то получим интересную картинку. Вдоль Черного моря от Анапы через Новороссийск и к Сочи Б.Ельцин имел отрыв от 15 до 20% голосов. В то время, как во внутренней части Краснодарского края, в сельскохозяйственной, в казацкой лидировал Г.Зюганов, с отрывом до 30%. В целом по итогам выборов получается, что Краснодар край - это “красный” район, но со сравнительно небольшим перевесом оппозиции. Там есть свой центр реформ - Новороссийск, и своя оппозиционная территория. Возьмем Ленинградскую область. Она считается “синей”, т.е. реформистской. При более глубоком анализе видно, что реформаторский настрой в районах, тяготеющих к Петербургу и его рынку - это Гатчина, Выборг и др. Оппозиционно настроены - Сланцы - аналог Кузбасса и т.д. Таким образом, если мы возьмем страну не на уровне 89 субъектов, а на уровне 3 тыс. районов, то получим более осмысленную, с точки зрения экономики, картину.

2. Существует теория, которая может если не объяснить, то описать такого рода поведение. Она называется теорией распространения инноваций. Ее автор польский исследователь Куклинский, в России она продвигается исследователями из Института географии Российской Академии наук. Они учат нас тому, что существуют три типа поведения регионов по отношению к инновациям. Могут быть регионы с преобладанием креативных функций, которые создают инновации, или новшества. Регионы со свойствами адаптивности, т.е. те, которые принимают, трансформируют, транслируют инновации дальше. И регионы со свойствами консервативности, которые глушат и сводят на нет импульс новизны. Ничего нового в этом нет. Еще Козьма Прутков говорил, что гений мыслит и создает, человек умный совершенствует и развивает, дурак пользуется и не благодарит. Доля креативных регионов очень невелика, доля адаптивных, т.е. транзитных регионов, тоже невелика и явное преимущество всегда за консервативной территорией. Соотношение примерно 5:27:70. Если это приложить к выборам, используя избирательную технологию в качестве критерия инновационности, то результат следующий. Я пробовал считать интенсивность и эффективность распространения терминалов системы Газвыборы, т.е. где компьютеры внедрялись успешно, где нет. И получалось, что есть целый ряд регионов, которые очень трудно принимали это новшество.

Вторая особенность теории в том, что по определению регион не может перескочить через соответствующую градацию. Если он консервативен, он не может стать креативным сразу и наоборот. А адаптивные могут переходить и туда и сюда. Сдвиг на одну ступень возможен и определяется целым рядом геополитических параметров. После всплеска всеобщей адаптивности конца 80-х годов, когда вся страна была адаптивной по отношению к западной либеральной политике, тогда консервативными было только меньшинство республик, то сейчас мы имеем нормальную в условиях либераль-

ной ситуации картину, когда формируются креативные центры, очень немногочисленные, когда прежняя обширная адаптивная зона распадается на небольшое количество действительно адаптеров и большое количество консерваторов. В консервативной зоне мы еще имеем такой особый тип регионов, как национальные образования: республики, автономные округа и автономные области, которые консервативны по-своему.

Что значит креативные центры и адаптивность? Это значит, что сейчас у нас создаются креативные столицы, которых раньше не было. Раньше все шло из Москвы. Растет влияние Екатеринбурга, Самары, Санкт-Петербурга - они становятся столицами второго уровня. Может быть это опасный процесс, но, с моей точки зрения, это нормальный процесс. Меня пугает, что отсутствует такая столица в Сибири. Симбирск медленно опускается в провинциальное болото. Аналогичным образом со своими функциями, которые могли бы быть столичными, не справляется Воронеж, и что-то непонятное происходит на Дальнем Востоке. Мне кажется, что задача региональной политики поддержка именно этих креативных центров.

Несколько слов о национальных образованиях. Они путают все статистические модели, которые строятся у нас в стране. Так как в них нет гражданского общества и практически нет голосования как такового. Региональные, республиканские власти обладают аппаратом, который может обеспечить их нужным результатом голосования. Неважно “синий” или “красный” регион, важно, что он консервативный. Там идея голосования не имеет смысла. Речь о том, что элиты в этих 30 республиках контролируют ситуацию. Парадокс в том, что Москва заинтересована в этих элитах. Москва заинтересована в поддержке этих регулируемых регионов, если русские области сейчас из зоны адаптивной раскалываются на две части: прогрессивные участки и большая часть консервативных, надежные консервативные республики очень удобны для Москвы, на них можно опереться. Политически между ними построен мост, где элита не заинтересо-

на к возвращению к власти того же Г.Зюганова и тем более А.Лебеда. Очевидно, что в ближайшем будущем Москва не будет аплодировать идее создания симметричной федерации. Сегодня асимметрия фактически выгодна. Но что делать дальше? Мне кажется, что единственным выходом является создание и поддержка креативных зон второго уровня - тех самых субстолиц. Я полностью поддерживаю точку зрения г.Лаврова, касательно избирательной финансовой поддержки. Было бы очень полезно в Москве иметь банковский синдикат, или какое-то учреждение по аналогии с международными финансовыми органами, которые достаточно жестко отслеживают определенные параметры в странах и в соответствии с выполнением задач дают или не дают им деньги. Мне кажется, что следующие президентские выборы из Москвы не выиграть. Мы сможем их выиграть, только в том случае, если Москва будет иметь какое-то, пусть ограниченное, количество точек опоры. Пока она опирается на республики, но в будущем она должна будет опираться на столицы регионов. Если это произойдет, то демократический путь развития представляется выигрышным. В противном случае сохранится топология тоталитарного государства - Москва и вокруг сплошная провинция и тот, кто захватит власть в Москве, контролирует ситуацию.

Л. Гозман

Советник директора ИЭППП, главный редактор журнала "Открытая политика"

Я хотел сказать не просто об экономике, а о ее субъективном восприятии. Субъективная картина происходящего почти всегда отличается от картины объективной. Это касается любых аспектов, например географии. Еще за долго до чеченской войны то, что происходило на Северном Кавказе, воспринималось как значительно более далекое, чем какое-либо событие, которое могло произойти во Владивостоке, которое находится от Москвы значительно дальше. В этой субъективной географии Вологда

дальше от Москвы, чем Санкт-Петербург или Минск. В субъективной экономике тоже все идет не по учебникам, а по тому как это воспринимается людьми. Иногда реальность вступает в противоречие с тем, как она отражается в сознании. Эта картинка для определения поведения значительно важнее, чем то, что происходит на самом деле. Важно, что люди видят. В любой экономической модели закладываются определенные представления о человеческих мотивах и предполагается, что люди способны осознать новую реальность, осознать возможности, которые она им предоставляет и действовать эффективно в соответствии со своими интересами. Что касается мотивов, которые приписываются людям авторами экономических моделей, они достаточно просты, не противоречивы и правильны. Но вряд ли есть экономические модели, которые не предполагают у людей желания улучшить условия жизни. Не всегда эти мотивы являются ведущими. Но в целом мировой опыт показывает, что люди стремятся к благополучию. В нашей стране были предприняты огромные интеллектуальные усилия, чтобы доказать, что советский человек - особый человек, и у него нет этих стремлений. Опыт последних лет показывает, что у такой идеи нет под собой эмпирических оснований. Что касается способности людей правильно воспринять новую реальность и правильно в ней функционировать, здесь у меня уже нет такой уверенности. Примером может быть серия скандалов с финансовыми пирамидами. Жулики есть в любой стране, обманутые тоже есть в любой стране. Но не так много примеров, когда столь примитивный и наглый обман был столь эффективен для такого большого процента населения. Среди жертв этих МММ были в основном не несчастные старушки, модальным клиентом МММ был человек с высшим образованием, либо профессионал сегодня, либо профессионал в недавнем прошлом - пенсионер с высшим образованием, который достаточно хорошо зарабатывал. Есть интересные данные о том, как происходило включение в эту деятельность. Эти люди не совсем верно понимали экономическую и социально-

политическую ситуацию. Когда начались реформы, их конструкция в сознании граждан представляла полный хаос. Рыночную экономику никто не видел, и представление о постреформенном будущем, которое должно было наступить через 500 дней, варьировало от рая, где мерседесы растут на деревьях, до чего-то совершенно ужасного. За эти годы произошел прогресс в понимании, люди стали более грамотны. Одна из пропагандистских задач, которая была решена реформаторами - это объяснение народу, что инфляция это плохо. О недопустимости денежной эмиссии вы можете услышать от людей, которые с трудом понимают, что такое эмиссия, но они знают, что это плохо. Иногда ошибки и непонимание того, что происходит, работало на реформы. Тот пример, который упомянул г.Марков с шахтерами, которые действовали против своих интересов, я бы интерпретировал так - шахтеры не понимали, что это против их интересов, они действовали по ошибке. Когда они поняли, то стали действовать так, как сейчас. Однако прогресс в понимании не столь велик. Например, люди понимают недопустимость инфляции, но в субъективной экономике нет серьезной связи между бюджетными проблемами, с одной стороны и не выплатами зарплаты, с другой. В причине невыплат пенсий и зарплат крайне редко видят проблемы дефицита бюджета. На первом месте стоят, наверняка тоже присутствующие, феномены воровства на разных уровнях. Но понимание того, что федеральный бюджет связан с личным, фактически отсутствует. Понимание того, что неэффективно работающие предприятия то же являются одной из причин того, что тебе лично не платят зарплату, тоже отсутствует. Из старых стереотипов экономики остался стереотип роли тяжелой индустрии: экономика - это прежде всего тяжелая индустрия.

При этом в представлении среднего человека далекого от экономики главная продукция предприятий тяжелой индустрии это не танк и не станки, которые не работают. Главная продукция тяжелой индустрии - это социальный порядок. Поэтому лю-

бая попытка что-то сделать с этими заводами наталкивается на очень сильное сопротивление людей, которые лично в них не заинтересованы. В последний год наблюдается тенденция переориентации этого символа стабильности от тяжелой индустрии к банкам. Когда речь заходит о банковском кризисе, это начинает пугать людей, которые даже не представляют, как работают банки, и у которых нет счетов в банках. Главной психологической проблемой адаптации к новой экономике является не проблема справедливости, а потеря ощущения предсказуемости. Большинство, присутствующих здесь, раньше, заканчивая институт, знало не только сколько они будут зарабатывать сейчас, но и с какой зарплаты они уйдут на пенсию. Сейчас это менее понятно. Сначала нестабильными стали цены. И люди очень быстро приспособились к высокой инфляции. Высокой, но стабильной. С этим как-то справились, сейчас появилась другая проблема. Ощущение непредсказуемости переместилось в сферу социальной политики. У граждан находящихся в регионах, где предприятия закрываются, это переходит в страх безработицы, который постепенно нарастает. Та экономика, на которую мы ориентируемся, экономика развитых западных стран, дает человеку ощущение предсказуемости в рамках определенной непредсказуемости того, что будет с конкретной фирмой. У нас этого нет. В результате значительная часть слабоадаптированных граждан сегодня находится в состоянии внутреннего конфликта. Они понимают, что государство должно обеспечить стабильность, но они понимают и то, что никакое государство этого сделать не сможет. Они голосуют за оппозицию, но без радости и без надежды. В Москве никто не праздновал победу Б.Ельцина из тех, кто за него голосовал. Если бы победил Г.Зюганов, радости тоже не было бы. Люди не верят в возможность государственной протекции, даже те, кто этого хочет. Меня беспокоят негативные тенденции среди граждан, которые являются опорой реформ. Я имею в виду адаптированную образованную молодежь. У них нет ни каких желаний возвращаться в прошлое, нет симпатий

к коммунизму, но у них возникает ощущение, что они адаптируются не благодаря нынешней системе. Они живут хорошо, но вопреки этой системе. Те самые социальные слои, которые получают хорошие по нашим понятиям зарплаты и обеспечивают себе близкий к европейскому уровень жизни, испытывают ощущение враждебности к власти. Это огромная политическая и психологическая проблема современной экономики.

И. Клямкин

директор Института социологического анализа

После того, как в Совете Федерации состоялось заседание, на котором прозвучало требование напечатать деньги, Институтом социологического анализа был проведен опрос, в процессе которого населению был задан вопрос: что лучше напечатать деньги и выплатить зарплату, что приведет к росту инфляции, или делать то, что делает правительство, т.е. не платить зарплату и не допускать инфляции. Цифры таковы: 60% за то, чтобы деньги не печатать и около 20% за то, чтобы напечатать. Это выглядит достаточно оптимистично. Эти данные наводят на мысль, что общество сегодня находится в состоянии, когда оно научилось выбирать между негативными приоритетами. Эта особенность проявляется и в поведении на выборах и в экономических ожиданиях. Общество знает по 1992-1993 гг., что такое 90% инфляция и для него такой уровень инфляции - фактор большей непредсказуемости, чем невыплата зарплаты. Еще с 1992 г. мы в своих опросах регулярно спрашивали, как люди относятся к освобождению цен, и на протяжении нескольких лет получали стабильно 70% за возврат к регулируемым ценам. Но стоит перевести вопрос в систему негативных приоритетов, как выясняется совершенно другое. Если спросить, что вы хотите: дефицит при низких ценах или наличие товара при высоких, то пропорция совсем другая: 50% за высокие цены и 25% за экономику дефицита. Мне кажется, что эта система негативных приоритетов и состав-

ляет основу относительной устойчивости. Численность населения, которая не хотела бы возвращения назад, приблизилась к половине. В стране впервые сложился столь широкий массовый западнический сегмент. В то же время этот западнический сегмент психологически и мировоззренчески не очень устойчив. Люди достаточно стыдливо относятся к собственному западничеству. Это может привести к тому, что элита начнет повторять терминологию оппозиции, говорить про державность, патриотизм, и в результате этот сегмент может размыться. Когда говорят об угрозе национализма, то очень важно учитывать молодежь, обязательно надо иметь в виду вхождение в жизнь этого первого непоротого поколения. Главная опасность не в пенсионерах, которые голосуют за Г.Зюганова. Националистическая идеология это единственная идеология, которая является единственной конкурентноспособной по отношению к демократической. Это единственная идеология, которая может выступать от имени этнического большинства и приобретать демократический облик. Эта - реальная опасность. Единственное, чем можно этому противостоять - всерьез задуматься о том, кто будет президентом после Б.Ельцина. Нужно уже сейчас начинать готовиться к парламентским выборам.

Сейчас уникальная в истории России ситуация, когда можно проскочить. Есть очень широкий общественный слой, который готов поддержать дальнейшие реформы. И есть некоторая растерянность политической элиты, на которую этот слой ориентирован. Западническая интеллектуальная элита обладает самым большим капиталом в нашем обществе, но при ее пассивности часть общества, которое потенциально могло быть ее сторонником, уже переходит к А.Лебедю. Поэтому вопрос о том, чтобы наша элита обращала внимание на ту часть общества, которая на нее смотрит, не только во время выборов. Необходимо, чтобы она представила себе, что слова о гражданском обществе - это не только слова, но и ее дело, что у нее есть в распоряжении средства

массовой информации, которых пока у многих конкурентов нет, что Россия не прошла через этап просвещения, и если пассивно ждать очередных выборов, то к власти придут совершенно другие люди.

Ю. Липец

Научный сотрудник Института географии РАН

Реформы отразились на всем пространстве России, как в целом, так и на каждой ступени ее иерархии, начиная от макрорегионов, субъектов Федерации и кончая маленькими поселками. Реформы отразились и в объективном и в субъективном плане. Большинство наших городов, особенно новых складывались как поселки при большом заводе, либо при нескольких заводах. Поэтому такое поселковое восприятие роли тяжелой промышленности вполне естественно. Сейчас, когда мы нанесли на карту локализованные данные по продажам за 1995 г. по 200 крупнейшим корпорациям получилась любопытная картина размещения этих потенциальных центров роста. Идея необходимости создания региональных столиц - идея вполне здравая.

Опережающий рост транспортных тарифов привел уже к 1992 г. к закрытию локальных региональных рынков. Разрушился колбасный пояс вокруг Москвы, и то, что субъекты Федерации ограничивают то ввоз, то вывоз - это естественное явление. Транспортные тарифы стали работать на разрыв. Когда мы работали на Камчатке, мы говорили, что примыкание Камчатки к Тихоокеанскому региону экономически неизбежно. Например, Британская Колумбия гораздо меньше торгует с Канадой, чем с западом США, однако никто не говорит, что такого рода структура экономических связей ведет к разрыву Канады на несколько частей. Нужно четко разделять экономические, культурные и социально-политические связи. Все это ставит перед экономикой очень важную задачу. Одна из главных причин сложности стабилизации в том, что стабили-

зация идет на фоне глубокого неравновесия самой системы цен. Мы привыкли говорить, что равновесие связывает спрос и предложение, и цены равновесия зависят от спроса и предложения и регулируют друг друга. Однако практически нет работ относительно равновесного состояния системы цен предложения. У нас сложилась система цен низкого уровня. Пусть товары и услуги были низкого уровня, пусть эту систему приходилось регулировать огромными косвенными налогами, принудительными займами, но в течение многих лет она находилась в квазиравновесном состоянии. Конечно система была обречена и это понимали многие люди. Эта система рухнула, началась инфляция. Цены росли совершенно различными темпами, и сейчас эта система пришла в состояние некой стабилизации. Но все-таки эта система неравновесности цен предложения является серьезной задачей, с которой мы будем сталкиваться еще очень долго.

Е. Любошиц

старший научный сотрудник ИЭППП

Я член комиссии партии ДВР по военной политике. Меня несколько удивляет, что поднимались все вопросы, кроме вопросов военной реформы и военной политики. А между тем военный бюджет на 1997 г. прямой - 104.3 трлн. руб. - это 20% расходной части бюджета, а скрытый - 26% бюджета. Если вычесть долги, то это уже 31% расходной части бюджета. За эти огромные деньги мы имеем небоеспособную армию, т.е. 40% бюджета мы тратим котрпродуктивно. Дальше этого допускать нельзя. В этом есть вина и нашей партии. Мы не использовали иностранный опыт. Я хочу процитировать статью Шлыкова: "Российские реформаторы любят подчеркивать, что они почитали Фридмана. А кто из них палец о палец ударил, чтобы помочь армии? Надо разобраться в проблемах финансирования обороны в рыночных условиях". Речь идет о том самом

Фридмане, который руководил комиссией в США, готовившей переход к профессиональной армии. В этой комиссии было всего 15 чел., в т.ч. представители студенчества и цветного населения. Что надо делать?

Во-первых, разработка альтернативных вариантов стратегии военной реформы, которую нельзя доверять генеральному штабу. Это корпоративная организация. Нельзя доверять академии военных наук, хотя это и общественная организация. Нужно создать, как минимум одну, а лучше две рабочие группы, которые имели бы возможность разработать вариант военной реформы, имея полный доступ к информации.

Во-вторых, нужен орган, который руководил бы этой работой. Мы имеем информацию, что генеральный штаб и министерство обороны просто лгут о численности армии. Вовсе не 1.7 млн. численность военнослужащих, а на 30% больше, просто есть такая формулировка - содержания вне штата министерства обороны, но за счет его. Мы просили Совет обороны, чтобы они запросили главное организационное управление вооруженных сил данные о численности армии. Оказывается, что Совет обороны не имеет права этого сделать, так как же этот орган тогда может руководить? Нужен орган, который отвечал бы, с которого можно было бы спрашивать. Должен быть человек с небольшим аппаратом, который действительно бы делал всю эту работу. А между тем в совете обороны 72 чел. по штату, из них 5 должностей. генералов армии. Военная реформа это одна из важнейших проблем, и если мы ее сейчас не решим, мы не решим ни одну проблему.

Е.Гайдар
директор ИЭППП

Я мог бы продолжить список важных вопросов, о которых сегодня не говорили. Не говорили об аграрной реформе, почти не говорили об реструктурировании угольной

отрасли, о севере и проблеме перенаселения севера, о реформе жилищно-коммунального хозяйства, а это стоит нам больше, чем расходы на оборону. И еще много вещей, о которой мы сегодня не говорили. И тем не менее, несмотря на этот очевидный недостаток, сегодняшнее обсуждение было полезным. В нем превалировали серьезный дескриптивный анализ, попытки разобраться и понять, что происходит на уровне реальных наблюдений и тенденций, а не на уровне выдуманных из головы схем и готовых рецептов. В этой связи я благодарен всем, кто принял участие в нашей конференции. Это уже вторая подобная конференция, и это достаточное основание, чтобы понять, что такие конференции интересны. На них возникают комплексы идей, которые с течением времени становятся общеупотребимыми. Это всегда приятно, это значит, что надо работать дальше. Я думаю, что такие встречи мы сделаем регулярными и приглашаю всех принять участие в следующей: “Шесть лет реформ в России”.